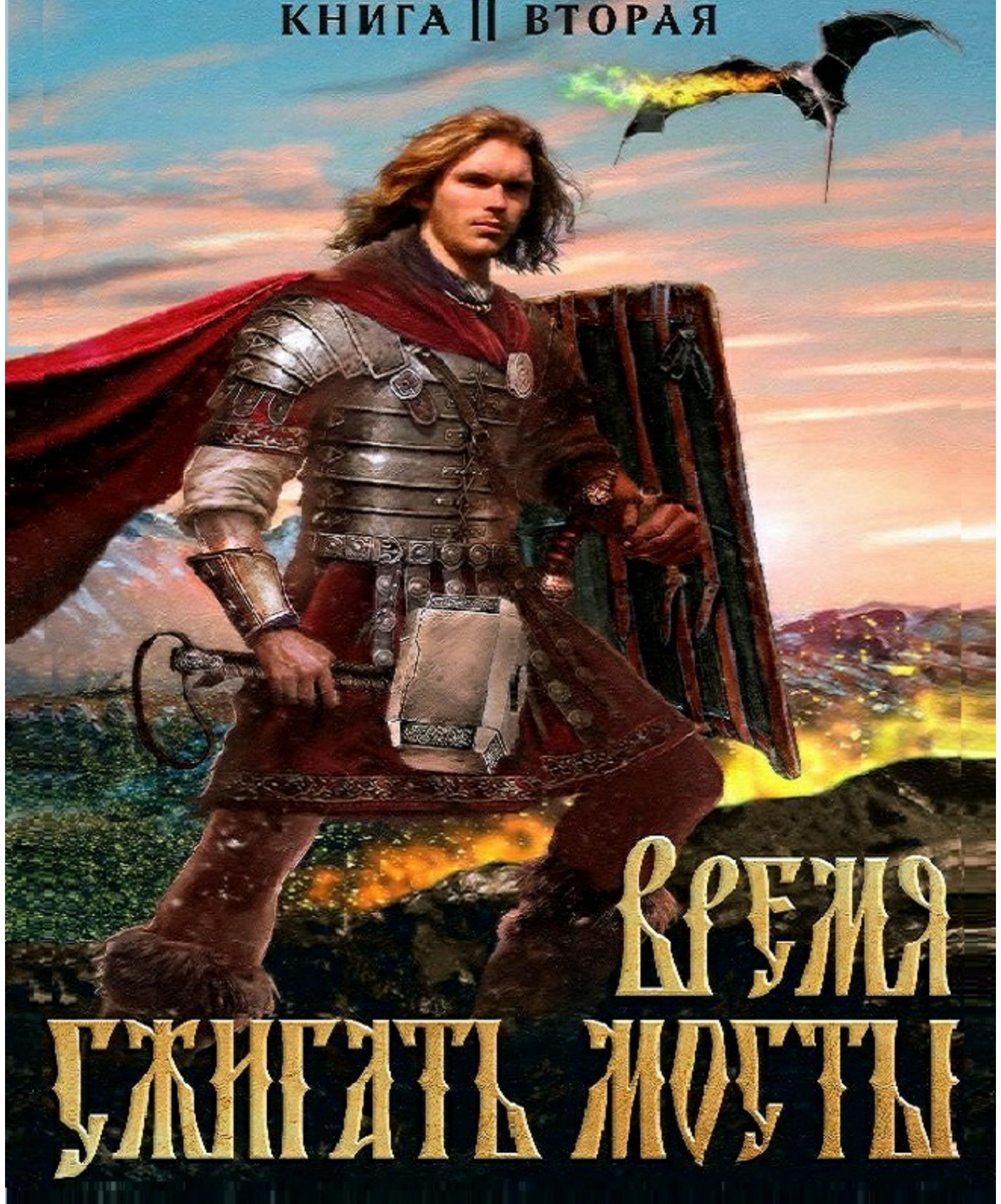

ВЛАДИМИР БОКАНОВ

ХРОНИКИ АРТА

16+

КНИГА II ВТОРАЯ

ВРЕМЯ
СЖИГАТЬ ЖУТЫ

Хроники Арта

Владимир Боканов

**Хроники Арта 2.
Время сжигать мосты**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Боканов В. С.

Хроники Арта 2. Время сжигать мосты / В. С. Боканов —
«ЛитРес: Самиздат», 2018 — (Хроники Арта)

Чем сильнее воин, тем сильнее его враги. Но если рядом надёжное плечо друга, то можно попытаться совершить невозможное. Бывший российский студент, ставший по воле случая прославленным гладиатором, снова оказывается в передраге. И если в прошлый раз ему противостояли существа из плоти и крови, то теперь он должен встать на пути у бессмертных творцов мироздания. Чью сторону примет Артём? Сможет сжечь мосты за спиной и по своей воле шагнуть в неизвестность или предпочтёт вернуться домой? Время покажет....

Содержание

Пролог:	5
Артем	8
Миланика	14
Сарная	21
Ивар	30
Артем	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Пролог:

В дальнем царстве-государстве,
что за тридевять земель,
бродит чудище в мытарстве,
как огромный черный шмель.
А еще в лесах дремучих,
из земли питая сок,
посреди дубов могучих,
плачет аленький цветок.
Нет на свете чуда краше,
нет печальнее судьбы.
Янтарем ложатся слезы,
на безмолвные дубы.
Льется дождь, иль светит солнце,
тот цветок горит огнем,
и оплакивает зверя,
что заботится о нем.
Долго сказка наша длится,
да не видно ей конца.
Нет красавицы девицы,
чтоб стереть печаль с лица.
И не сказка – это вовсе.
Знает тот, кто одинок.
Помнит кто свои ошибки.
В чьей груди живет цветок.¹

– Да уж, не зря говорят: «Чужая душа – потемки!» – стройная, русоволосая девушка, поморщившись, захлопнула потрепанный ежедневник в выдавшей виды кожаной обложке, исписанный мелким, корявым, до боли знакомым почерком.

– Вот и представь себе. Живёт на земле родной человек, которого еще несколько лет назад буквально на закорках таскала. Тысячекратно изученный сверху донизу и вдоль, да поперек. Простой как пять копеек. Студент. Спортсмен. Словом, на первый взгляд, ничего примечательного. А тут на тебе, парнишка, оказывается, стихи тайком пишет... причем складно-то как, да со смыслом. Даже боязно, с непривычки, – она рефлекторно поежилась.

Хотя, чему тут удивляться? Привыкла к другому и всё. Просто жизнь как-то сама подвела её к тому, что большинство знакомых спортсменов, при всем желании, не могут похвастаться искусством нанизывания слов на рифму. Не тот профиль, как говорится. Нет, конечно, некоторые индивидуумы, окончательно сбрендившие на почве любовного недуга, дерзали поразить ее воображение отрывками из Есенина или, например, Гумилева, наивно выдавая творчество великих поэтов за свое собственное. Вот только итог этих жалких попыток всегда был один и тот же. Очередной воздыхатель ненавязчиво, но твердо отправлялся в самый конец длиннющей скамейки запасных кавалеров, постепенно растворяясь среди толпы ему подобных, унылых попрошаек. А потому, случайно обнаружив среди бумаг, хаотично раскиданных на письменном столе Артема, пусть не шедевры, но довольно таки вменяемые стихотворные произведения, Валерия поначалу не поверила своим глазам.

---

¹ Автор стихотворения-Владимир Боканов.

– Вот удивил Тимоха, так удивил. Не ожидала, девушка повертела туго обтянутой джинсами попкой, устраиваясь поудобнее на вкопанной возле подъезда скамейке, и снова потянулась за рукописью.

– Ай-яй-яй-яй-яй, – раздался над ухом укоризненный, надтреснутый голос, – и не стыдно тебе девица, на чужое-то пялиться?

Охнув от неожиданности, она всплеснула руками, выронила ежедневник и, широко распахнув свои, небесного цвета глаза, уставилась на замершую поблизости скрюченную, невысокую фигурку, методично крутящую в сухих, морщинистых ладошках моток сиреневых ниток.

– Ну, что зенки тарачишь? – демонстративно насупила брови старушонка. – Почто говорю, без спросу не свое листаешь?

– Ну, во-первых, уважаемая, – оправившись от испуга, возразила русоволосая, – эти стихи принадлежат моему родному брату, а это значит, что я, на правах старшей сестры, могу смело их читать...

– С чего это вдруг? – не дав закончить мысль до конца, перебила ее незнакомка.

– А с того, что у Тёмки сейчас очередной, так сказать, «переходный период», – неожиданно для самой себя, обычно замкнутая в присутствии незнакомцев, разоткровенничалась Валерия. – С последней своей подружкой «разосрался» в пух и прах, сессия в универе не за горами, плюс сегодня опять соревнования. Короче, нагрузки на психику у братца немеряно. Вот и приглядываю тайком, где могу и как могу. Вдруг моя помощь потребуется? Сам-то он гордый воробей, не попросит. Даже если где дров наломает.

– Ишь ты, – усмехнулась старушка, – как складно у тебя все выходит. Примеряешь на себя доспехи ангела-хранителя? Душу готовишься исцелять? Любишь лечить, значит? Похвально, похвально. Если не брешешь, конечно...

– Да к чему мне врать-то, бабушка? – девушка всплеснула руками. – Ну, вы сами посудите! Я вас первый раз в жизни вижу, стало быть, никакой корысти сто пудово иметь не могу.

– И то верно, – неожиданно кивнула бабулька. – Только силенок, на мой взгляд, у тебя маловато. Как бы пупок не развязался... хранителя изображать. Не сдюжишь ведь...

– Да я..., да я за братца с самого раннего детства готова, хоть в огонь, хоть в воду! Факт! Спроси кого хочешь из нашего двора. Все знают. Справлюсь я, бабуля, справлюсь, не сомневайтесь!

– Хоть в воду, говоришь? А вот это идея, – незнакомка несколько секунд отстранено пошамкала губами, после чего демонстративно развернулась и, не удосужившись попрощаться, засеменяла по своим, одной ей известным делам. Проводив согнутую спину долгим взглядом, Валерия, в свою очередь, недоуменно пожалала плечами, после чего с облегчением вздохнула, послушав изящно наманикюренный указательный пальчик и, перевернув очередную страницу ежедневника, с головой погрузилась в чтение:

Терпение, конечно, добродетель.

Но жизнь порой бывает коротка.

Чтобы терпеть, и я тому свидетель.

Не стоит ждать последнего звонка.

Моря страстей клокочут разливаясь,

а ты в который раз чего-то ждешь.

Не думаю, что реже улыбаясь,

быстрее мироздание поймешь.

И я спешу прекрасному навстречу.

Буравлю взглядом ночи темноту.

Быть может я тебя однажды встречу,

а коль не встречу – кану в пустоту.

Отныне дар мой – странствия земные.

И хоть за все приходится платить,
я вспоминаю мысли золотые:
Найдите то, за что вам стоит жить!²

---

² Автор стихотворения-Владимир Боканов

Артем

– Баррраааа, – дружно грянуло за стеной быстро приближающихся щитов. Артем в ответ лишь презрительно ухмыльнулся.

– Напрасно орете, батенька. Нас такими штучками уже не проймешь.

Подмигнув прижавшемуся справа мирийцу, он покрепче вжался в свой скутум заученно напрягся и задержал дыхание, чтобы принять на щит первый, самый опасный натиск противника. Грохнуло так, что на мгновение заложило уши. Сухая, едкая пыль, поднявшаяся от столкновения, заставила его недовольно хрюкнуть.

– Держать строй, раздери вас Урик! – раздался поблизости громогласный рык Каспия.

– Силен, чертяка! – восхищенно пробормотал юноша, глядя как чернокожий гигант, пользуясь завидным преимуществом в росте, сцапал за шкирку ближайшего противника и одним мощным рывком перекинул истошно верещащее тело себе за спину. Пролетев пару-тройку метров, бедолага с треском распростерся на каменной мостовой, выронив при падении гладиус, и беспорядочно засучил конечностями, словно большой майский жук. Подняться, ему было уже не суждено. Гортанно хекнув, один из гладиаторов деловито вонзил короткий пилум в открывшуюся щель между пластинами доспехов, навечно отправив душу веспийца в царство Орба. Поймав на себе взгляд Артема, Каспий широко улыбнулся, горделиво продемонстрировав окружающим все тридцать два молочно белых зуба.

– Красава! – Артем одобрительно показал ему большой палец.

– Ну, а теперь моя очередь! – молодой человек резко подался назад, втягивая в образовавшееся пространство одного из напиравших снаружи легионеров. Не успев среагировать, воин на долю секунды потерял равновесие и раскрылся, чем Артем естественно не преминул воспользоваться. Филигранный, отточенный многочасовыми, изнурительными тренировками выпад, усиленный вовсю зудящей справа меткой, и вуаля! Солдат падает навзничь, даже не успев осознать перед смертью, что с ним, собственно говоря, произошло. Удовлетворенно хрустнув шеей, юноша резко вскинул щит, приняв на его вогнутую поверхность очередную хрипящую, воняющую дымом и конским потом тушу. Блок, выпад, удар, блок. Легко, методично, неумолимо. Все как всегда. Ничего нового, за исключением того, что их опять предали. Мало того, что большинство сенаторов демонстративно тянули с ответом на разосланные во все концы империи письма, так еще и те немногие, кто на словах уже наобещал Гаю Антонию «с три короба», на деле оказались лживыми тварями. Это был уже шестой раз, когда очередная, «мирная», встреча оканчивалась схваткой с двух, а то и трехкратно превосходящими силами противника. И давным-давно уже висеть бы им на одной из кедровых виселиц, в изобилии «произрастающих» в окрестностях Веспы, если бы не слаженность действий привычных к сюрпризам арены гладиаторов. Ну и конечно, присутствие в рядах повстанцев аж сразу двух меченых тоже играло свою роль. Их необычайная сила, скорость, способность предвидеть действия противника, практически сразу же сводили на нет численное преимущество веспийцев. Вот и сейчас, стоило лишь Артему прорубить брешь в рядах наседающих на него, аки дворовые псы на лютого пардуса легионеров, как в образовавшийся проем буквально-таки ввинтилась плотная, широкоплечая, фигура самозваного императора. Осатаневший от чреды непрерывных измен своих «верноподданных» Антоний сегодня был особенно свиреп. Во всяком случае, так показалось молодому человеку. Крутятся волчком во все стороны, прославленный гладиатор раздавал направо и налево такие сокрушительные удары, что в считанные мгновения усеял пространство вокруг себя содрогающимися в предсмертной агонии телами.

– Что ж, – мысленно отметил юноша, – наша тактика, все еще работает. Что в принципе не может не радовать. Однако, побеждать становится с каждым разом сложнее и сложнее.

Действительно, не смотря на еженедельные виктории и солидное пополнение в виде полутысячи бойцов из двух близлежащих лудусов, войско повстанцев уже уменьшилось примерно на треть. А ведь им пока что противостояли лишь наспех собранные местными нуворишами отряды. О столкновениях с регулярной веспийской армией речь вообще не шла.

– Ни единого шанса! – категорично заявил Смирный на состоявшемся накануне совете. – Это вам не разжиревших надсмотрщиков, да обленившуюся стражу резать.

– И что ты предлагаешь? – поморщился Бартук. – Лечь на спину и задрать кверху лапки?

– Не мели чепухи, – недолюбливавший дальнего родича по материнской линии, впрочем, как и прочих кочевников, Антоний впери́л в арторианца недовольный взгляд. – Ничего такого я не говорил. Только о прямом столкновении с обученными веспийскими легионами ты и думать забудь. Да что там легионы? Если уж быть откровенным, то нам в данный момент не по зубам даже одна неполная когорта.

– Ну, скажешь тоже! – вступился за друга Каспий. – Когорта не по зубам... Что нам мешает тоже устроить засаду? Заманим, проломим строй в нескольких местах. Глядишь, и побегут твои хваленые легионеры.

– Нет, не побегут, – веспиец даже привстал от возмущения. – Веспийская армия никогда не бежит, это факт общеизвестный. Или тебе напомнить о битве при Парвусе? Молчишь? То-то же. А ведь это было еще за несколько веков до введения Гнеем Корнелием децимации.

– Чего введения? – вопросительно протянул Артем.

– Децимации, – удивленно посмотрел на юношу Антоний. Однако вспомнив, что его друг – пришелец из дальних краев, пояснил. – В случае дезертирства, потери штандарта или бунта, смерть ждет каждого десятого легионера в когорте. Причем не важно, виновен он лично или нет. Кидается жребий и тот, на кого он укажет, будет попросту забит камнями и палками своими же девятью товарищами.

– Жесть, – молодой человек вздрогнул, представив эту картину.

– Поэтому и говорю, что нам ни в коем случае нельзя пересекаться с регулярной армией. Сожрут и не заметят.

– Да, ситуёвина, итить-колотить, – Артем растерянно почесал затылок. – Куда ж нам теперь податься-то? Ума не приложу.

– Честно говоря, и сам не знаю, – Гай мрачно сложил мускулистые руки на груди. – Клянись Уриком, не так я представлял свое возвращение!

– А ты уже вообразил, – Бартук в свою очередь не упустил возможности уколоть веспийца, – что стоит только кликнуть клич и сенат в полном составе дружно бросится целовать твою распрекрасную, «императорскую» задницу? Или рассчитывал, что Гней Великий убоавшись кучки беглых рабов, сдастся тебе без боя? Да он, скорее всего даже не вспоминает о нашем существовании. Мы для великой империи не больше, чем комары на теле крастера. Жужжать жужжим, а навредить не можем.

– Да, – неожиданно для всех, сорвавшись, воскликнул Антоний, – именно так я и думал! Хрен с ними с сенаторами, они во все времена были трусливыми, продажными тварями, но я был уверен, что уж командующие восточных легионов меня точно поддержат! Не может быть, чтобы Тирус и Ларий забыли подробности наших совместных походов на границе с Арторией. Были моменты, когда умелые действия моей когорты, определяли исход сражения. Причем такое случалось не раз и не два.

– Понимаю, – Артем успокаивающе положил ладонь на плечо друга. – Тяжело, когда предадут те, с кем в дальних походах не один пуд соли съели. Только вот Бартук, как ни крути, а в чем-то прав. В пределах империи мы остаемся в относительной безопасности до тех самых пор, пока Корнелий не будет вынужден лично обратить на происходящее внимания. Мое мнение таково: надо тикать отсюда, и чем быстрее, тем лучше. А войско, при желании, и за пределами империи сколотить можно.

– Да согласен я, согласен, – устало отмахнулся Антоний. – Вот только куда тикать? Нас слишком мало, для ведения полноценной войны, но, в то же время, слишком много, чтобы без следа раствориться на землях соседей. Те же арлинги и раньше не особо жаловали сбежавших гладиаторов, а теперь, сцепившись с гномами не на жизнь, а на смерть, и вовсе чужаков на порог не пустят. Иберия – тоже не вариант. Кормак нас выдаст империи и глазом не моргнёт. Про Арторию я вообще молчу. За десяток золотых обратно в лудус на арканах притащат.

– Скажешь тоже, за десяток, – издевательски ухмыльнулся Арторианин. – За десяток они тебя на месте поджарят, а вот за несколько сотен могут твою императорскую шкурку и до Веспы сохранить.

– Можно я скажу, Арт? – внезапно подал голос седоволосый гном, доселе безмолвно взиравший на общую перепалку. Освобожденный вместе с остальными рабами из лудуса Мария Целсия, бывший начальник иберийской королевской стражи, впервые принял участие в прениях.

– Конечно, Дрофан, – кивнул Артем, – говори, не стесняйся.

– Я вот что думаю. Нам нужно сперва разыскать Ошгана Полбочки.

– Это еще зачем? – подозрительно сощурился верзила Каспий. – Сдается мне Неспящий, что ты хочешь нашими руками решить какую-то свою, личную проблемку! Да кто такой вообще тебе этот Ошган? Родич что ли? Нет? Тогда какого хрена ты долдонишь о нем на каждом шагу? Который день только и слышно от тебя: «Ошган то, Ошган сё, давайте сперва найдем Ошгана...» достало уже, честное слово.

– Помолчи Каспий, – юноша поспешил осадить не в меру разошедшегося соратника. – Имей ввиду, в первую очередь, Ошган – МОЙ хороший друг, который к слову до сих пор является предводителем одного из самых уважаемых кланов в Иберии. Благодаря еженощным трансляциям Гуамоко, я даже могу в общих чертах предположить, где он сейчас находится. И, – Артем загадочно улыбнулся, – не только он. Ладно. Я в принципе понял, к чему ты клонишь, – снова обратился он к гному, – но все равно, продолжай.

– Ну так вот, – Дрофан исподлобья бросил на Каспия колючий взгляд. – Ошган на данный момент является единственным влиятельным гномом, способным приютить, причем не за красивые глазки, а именно нанять, – сделав ударение на слове «нанять», Дрофан многозначительно поднял указательный палец, – несколько сотен таких превосходных рубак как мы. Зачем? Сейчас объясню. Дело в том, что уже много лет Полбочки на дух не переносит Кормака. Тот в свое время изрядно попортил жизнь его семье. В подробности я сейчас вдаваться не буду, но счет к новому королю у клана Алмазных Секир накопился изрядный. Уж поверьте. Короче Ошган ни за что не упустит возможности столкнуть Убийцу с трона. Но для этого ему в первую очередь нужна веская причина, а во вторую, солидная военная поддержка. Идти против Кормака силами одного клана? На такую глупость Ошган не пойдёт.

– Солидная поддержка? – улыбнулся Артем.

– Именно. Солидная. Чем больше, тем лучше. Причину я ему обеспечу, это к бабке не ходи. Просто расскажу все что знаю, о смерти Айрика, Ругара, Трая, о порезанной подпруге у лошади его старшего брата, Торвина Серого. Я лично слышал, как Ругар однажды обвинял в этом преступлении старшего брата. Уверен, моей информации с лихвой хватит, чтобы заставить его самого, а с ним и весь его клан, восстать против нового короля.

– Информация, это конечно здорово, – молодой человек в растерянности почесал затылок, – а как у тебя дела обстоят с доказательной базой? «Пруф» то нароешь какой-нибудь? – ляпнул он, забыв на мгновение о том, что компьютерный жаргон двадцать первого века по умолчанию не может использоваться здешними обитателями. Тем не менее, Дрофан уловив основное направление его мыслей, согласно кивнул головой.

– Конечно нарою. Даже не сомневайся. Так получилось, что незадолго до своей гибели, Трай Огненный доверил мне тайну местонахождения единственного ключа от книги всех верховных. В ней он подробно описывает предательство Кормака.

– Книга, книгой, но ты вроде как говорил, что у тебя имеется ещё и живой свидетель, – Артем припоминая щелкнул пальцами, – вернее свидетельница, неких злодеяний короля?

– Тут дело такое..., – виновато опустил глаза гном. – Вместе со мной в поход отправились Эрик Три Росомахи – ты его уже знаешь, и старшая дочь Ирвина Кленового Листа – Хлоя. Пытаясь вытащить тебя Арт, из загребущих ручонки сенатора Луция Флавия Рустика, мы сами попались в мастерски расставленную его ланистой, этим пройдохой Нумерием, ловушку. Нас с Эриком, определили прямиком на арену, а о дальнейшей судьбе юной гномы мне, к сожалению, ничего не известно.

– Зато мне известно, – в беседу бесцеремонно вклинился доселе молчавший Гарни Счастличик. Будучи закадычным другом Гая Антония, он естественно являлся участником совещаний. Правда, гном предпочитал больше слушать, нежели разглагольствовать. – Узнав о том, что девчушка приходится родной дочерью прославленному травнику, сенатор не стал продавать ее за бесценок, как изначально собирался. Вместо этого, он преподнёс её Корнелии, в качестве дорогой рабыни-знахарки. Это случилось перед самым восстанием.

– Корнелии? – наострил уши Артем. – Той самой, которая дочка императора?

– Угу, той самой.

– Ну, тогда не все еще потеряно, – молодой человек многообещающе потер ладони. – Есть у меня идея, насчет того, как без потерь вытащить эту вашу Хлою. Только проблема в том, что для этого мне нужно будет незаметно пробраться в императорский дворец, причем как можно аккуратнее. Придется, наверное, идти одному, а я иберийку, – Артём простодушно развёл руками, – и в глаза то ни разу не видел.

– Хочешь пробраться незамеченным? Возьми с собой гнома, – наставительно поднял указательный пальчик Гарни.

– Это тебя что ли?

– А что? – насупился Счастличик. – Я ее уже несколько раз видел, узнаю, стало быть, при случае.

– Ты-то узнаешь, а вот она тебя нет. Ни тебя, ни меня. Вдруг, да не поверит? Закричит там..., или еще что... Что скажешь, – вновь повернулся он к Дрофану, – может, составишь мне компанию?

– Я бы с радостью, вот только есть вариант получше. Пусть с тобой отправится Эрик. Я, как бы это поточнее сказать, больше умелец по охране, а вот он по проникновению. Не полноценный Ведающий конечно, но толку однозначно больше.

– Ну, Эрик так Эрик, – Артем довольно потянулся и с хрустом повертел шеей.

Дальнейшее обсуждение было прервано вбежавшим в захваченную повстанцами таверну Сервием – одного из недавно присоединившихся к ним гладиаторов. Его обеспокоенное, угловатое, как будто высеченное из цельного куска древесины лицо было сплошняком усыпано крупными оспинами.

– Веспийцы, засада! – сходу выпалил он.

– Опять? – в бешенстве схватившись за волосы, простонал Гай Антоний. – В который раз, раздери меня Панерий! Ну почему? Почему они всё время меня предают? Ведь я же законный сын истинного императора, которому они клялись в любви и преданности, а не проходимец какой-то.

– Ничего дружище, – Гарни протянул руку к лежащему возле него скутуму, – прорвемся. Не впервой.

– Конечно, прорвемся, – глядя в пылающие гневом и болью глаза друга, добавил Артем. – Даже не сомневайся.

Сокрушенно покачав головой, Антоний сплюнул и, молча, выскочил наружу, затягивая на ходу усеянную медными заклепками кожаную перевязь, с двумя, прошедшими не одну сотню сражений, гладиусами.

– Да, не сладко ему приходится, – продолжал размышлять юноша, краем глаза следя за разлетающимися во все стороны от доведенного до белого каления бывшего гладиатора противниками. – Столько лет мечтать о свободе. Видеть в статусе раба единственную причину, по которой от него в свое время отвернулись друзья и единомышленники. И, в конце концов, так жестоко обломаться.

Хотя для самого Артема все встало на свои места, уже после первого предательства. Ему, как человеку из другой эпохи и возможно даже другого мира, было абсолютно не свойственно слепое преклонение перед носителями венценосной крови. Поэтому единогласное решение веспийской знати о поддержке Корнелия Великого было встречено им с пониманием. «Бизнес есть бизнес», как говорится. Никаких иллюзий. Но до упёртого как баран веспийца донести сей факт было весьма и весьма проблематично. Именно поэтому, их отряд все еще болтался поблизости от столицы, вместо того, чтобы сломя голову бежать как можно дальше от опасного места.

– Ничего, вот выберемся отсюда, разыщем Ошгана, драконов, а потом вместе рванем в Иберию, – только и успел подумать молодой человек, когда раздавшийся сверху низкий, вибрирующий звук заставил его наострить уши и инстинктивно пригнуться. Только благодаря этому рефлекторному движению, громадные когти камнем упавшего с неба дракона лишь самую малость чиркнули по надежно защищенной плотным доспехом спине юноши. Впрочем, Артему с лихвой хватило и этого, мимолетного прикосновения, чтобы кубарем покатиться по залитой кровью траве. Его соседям сзади повезло и того меньше. Сцапав одним махом пятерых завопивших от ужаса воинов, могучая Крайса гортанно взрыкнула, после чего, широко взмахнув своими кожистыми крыльями, взмыла ввысь, волоча за собой пучок истерзанных, подергивающихся тел.

– А вот это уже серьезно, – сплюнув на землю выбитый зуб охнул Артем, затравленно наблюдая как гигантская рептилия, набрав высоту и грациозно развернувшись, пошла на второй заход. Вот только завершить атаку драконице не дали. С грозным клекотом на ее чешуйчатую, отливающую зеленью шею спикировал крупный темно-коричневый беркут. Пернатый смельчак вцепился в Крайсу когтями и принялся бесстрашно клевать превосходящего в десятки, если не в сотни раз, противника. Взвизгнув от неожиданности и боли, Крайса сначала прянула в сторону, а потом хищно изогнувшись, остервенело лягнула зубами, силясь как можно скорее дотянуться до оборзевшей козявки. Но не тут-то было. Вредное существо, рванувшись в самый последний момент, счастливо умудрилось избежать контакта с широко распахнутой, усеянной длинными саблевидными клыками пастью. Вырвав на прощание из туши драконицы несколько крупных, блестящих чешуек, беркут пулей взмыл ввысь, уводя за собой раззадоренную вероломным нападением Крайсу.

– Вставай Арт, – две постепенно растворяющиеся в синем небе точки заслонило обеспокоенное, усыпанное бисеринками пота и крови лицо Антония. – Надо уходить. Чувствую, Гомбо надолго не хватит.

– Надо же, – произвольно отметил про себя молодой человек. – Ты на дух не переносишь кочевников, а имечко то своему питомцу дал типичное арторианское.

Наскоро оглядевшись, он обнаружил, что основное сражение почти уже закончилось. Оставшись без поддержки с воздуха, веспийцы разом подрастеряли весь свой боевой дух, и, как следствие, предпочли отступить.

– Арт, ты что не слышишь? – снова встряхнул его Антоний.

– Да слышу я, слышу. Вот только в голове шумит немножко.

– Голова не задница, – наставительно хмыкнул присевший перед ним на корточки Бар-тук, – завяжи и вперед.

– А не заткнулся ли вам, уважаемый? – досадливо поморщился юноша. – Кто давеча говорил, что император, – он виновато скосил глаза на Смирного, – ну в смысле Гней Великий, даже не вспоминает о нашем существовании? Молчишь каналья? Вот то-то же...

– А может это... Крайса просто случайно мимо пролетала? – тщательно вытирая окровавленный меч о бордовый плащ одного из покойников, пробасил оправдывая друга Каспий.

– Ага, случайно... Держи карман шире! Ты же сам видел реакцию веспийцев на ее исчезновение. Сразу же восвояси чесанули, как по команде. Неее, братец, они, вне всякого сомнения, были заранее осведомлены о грядущей поддержке с воздуха. Наверняка, рассчитывали, что на этот раз, летучая монстряга сделает за них всю грязную работу. Вот и растерялись, когда всё пошло не по плану. Ну да бог с ним. Давайте-ка действительно ноги в руки, и свалим отсюда поскорей. Пока еще кого-нибудь, голодного, да плотоядного, нелегкая не принесла.

Сказано – сделано. Собрав разбросанные во время бегства веспийцев трофеи, и наскоро перевязав раненых, их поредевший отряд двинулся на северо-восток. Через полчаса, колонна беглых гладиаторов скрылась из виду. Правда ушли не все.

– Ну что, Эрик? – спросил Артем, поправляя висящий за спиной молот и глядя, как последние гладиаторы исчезают за поворотом. – Прогуляемся чутка? Не побоишься еще разок сунуть голову в логово императора-дракона?

Гном демонстративно приосанился, выдержал паузу, после чего важно ответил: – Я обязан жизнью Ирвину. И ещё, я поклялся, что буду защищать Хлою, покуда кровь будет струиться в моих жилах. Поэтому я иду с тобой Арт Невредимый.

Миланика

– Нет, только не это! – взвизгнула Миланика, в негодовании сжав кулачки так сильно, что у нее побелели костяшки пальцев. – Я категорически против! Не вздумай рисковать драконами! Мой отец не для того согласился передать тебе опеку над ними, чтобы ты неосмотрительно бросал двух едва вставших на крыло малышек на растерзание лучшим стрелкам Арлинга.

– А ты думаешь – в свою очередь сорвался на крик Полбочки, – что мне вот так вот запросто далось это решение?

Изрядно отошавший за несколько месяцев проведенных в осаде гном, нервно засеменил из стороны в сторону. Глаза его горели лихорадочным возбуждением.

– Пойми, у нас просто нет другого выхода. Припасы кончаются, от Ивара никаких вестей. Подмоги ждать неоткуда, а тут еще эти треклятые катапульты. . . День-другой, и главные ворота не выдержат. И что тогда?

– Не знаю, – заломила руки эльфийка.

– А вот я знаю! – гном упрямо затряс заплетенной в тугие косички бородой. Скар с Ингой изрядно подросли за последнее время и уже многому научились. По крайней мере основные команды они выполняют. Драконы хорошо видят в темноте, а значит спалить ночью пару-тройку деревянных сооружений, для них не составит большого труда. К тому же, на нашей стороне будет небольшое преимущество. Твои сородичи за весь период осады так и не смогли пронюхать об их существовании. Да они просто остолебенеют от неожиданности, клянусь ветреной задницей Нардика!

– Напрасно ты на это рассчитываешь, – Ганирус нежно положил теплую, мозолистую ладонь на талию любимой, упреждая очередную вспышку гнева. – Не стоит забывать, что эльфы – народ, воины которого, можно сказать, рождаются с луком в руках. И если в стрельбе на скаку те же арторианцы еще могут с нами соперничать, то на твердой земле «перестрелять» истинного арлинга просто невозможно. Будь дракончики размером с кошку, у них может, и был бы шанс. А так. . . Ночь, не ночь – вернутся твои зверушки утыканными стрелами как ежик иголками.

Широкие брови гнома сдвинулись, лицо окаменело. Характерно оттопырив нижнюю губу и заложив руки за спину, Ошган демонстративно повернулся к ним спиной.

– Вот видишь! – победно воскликнула Миланика. – На мое мнение тебе наплевать, так хоть Ганируса послушай!

– С каких это пор, – развернувшись, Полбочки издевательски прищурился, – у Ганируса появилось свое мнение? Мы оба с тобой прекрасно знаем, что после того, как ты «угостила» беднягу печатью Феникса, сея роскошь ему больше не доступна.

– Можно я прикажу казнить этого недомерка, любимая? – обманчиво вежливый голос Броненосца немного портили вздувшиеся от гнева вены на его алебастровых висках.

– Что скажешь Ошган, – ехидно улыбнулась девушка, взглянув на мгновенно побледневшего гнома, – оказать моему жениху такую любезность?

– Делай что хочешь, дочь Ивара Охраняющего, – ибериец упрямо выпятил челюсть, – только знай, вреда от моей смерти будет больше чем пользы.

– Эвона как ты заговорил. . .

– Говорю, как есть, – рявкнул Полбочки. Мы гномы в отличие от вас, большеухих, вообще привыкли называть вещи своими именами. Драконы кроме меня все равно никого не слушаются. И не послушаются. Так что давай, валяйте, убивайте. Можете даже всех троих разом, чтоб наверняка.

С этими словами гном вновь рассержено отвернулся, сделав вид, что дальнейшие прения его совершенно не интересуют. Повисшее молчание нарушали только далёкие звуки осады. Миланика нахмурилась. Контролировать буйного гнома становилось всё сложнее и сложнее. Раньше эта обязанность падала на крепкие плечи Ивара. Но теперь...

– Вот бестолочь упрямая, – наконец, бросил в сердцах Ганирус.

– И не говори, – эльфийка разочаровано махнула рукой. – Что с ним делать, ума не приложу?

– А может, кольчугу на драконов наденем?

– Смеешься? Хороший пластинчатый доспех, да еще на дракона не одну неделю мастерить придется.

– При чем тут пластинчатый? – Броненосец взволнованно прищелкнул пальцами. – Я имею в виду, именно кольчужную рубашку. Самую простую. В оружейной полным-полно трофейных рубах. Только из последнего похода я привёз около пятнадцати штук. Вариант конечно не идеальный, но ничего лучшего мне в голову просто не приходит. Разрезать их, да склепать по новой, большого труда не составит.

– Не тяжело будет для малышей?

– Они уже не малыши, скорее подростки. Да и не за море лететь собираются, – резонно парировал арлинг. – Что скажешь, Ошган? Потянут твои летуны с десятков фунтов?

– Если потребуется, потянут и больше, – обиды Полбочки как не бывало. – Вы главное поторопитесь, – его слова прервало очередное громкое «бух» раздавшееся за стенами замка, – воротам действительно недолго жить осталось.

– Решено, – Миланика демонстративно сложила руки на груди. – Только отправить на вылазку двух драконов я тебе все равно не позволю. Выберешь одного, который посмышленее. И не смей больше спорить, – она вновь повысила голос, предвидя новую порцию возражений от упрямого гнома, – я и так уже пошла тебе навстречу.

– Будто все это мне одному надо?! – больше для виду проворчал Полбочки.

– Да понятно, – девушка обреченно вздохнула. – Самое ужасное во всей этой ситуации то, что мы вынуждены сражаться против точно таких же, ни в чем не повинных эльфов. Я точно знаю, что отец не убивал короля Ругара, а значит, именно он должен возглавить империю.

– Знает она... Ты-то может и знаешь. Вот только как сей, на первый взгляд очевидный факт, вдолбить в тупые головы твоих длинноухих сородичей? Что смотришь, – ибериец бесстрашно уставился на вновь заигравшего желваками Ганируса, – не нравится? Правда глаза колет?

– Правда состоит в том, – сквозившая в голосе эльфа неприкрытая угроза заставила Миланику сделать осторожный шаг вперед, заслонив собой гнома, – что во всем этом хаосе в первую очередь виноваты именно твои соплеменники. Если бы не вы, подлые и вероломные гномы, то сейчас был бы жив Арувал Правдивый, были бы живы его старшие сыновья – Мальвик и Тайрус, я уж не говорю об остальных сотнях и тысячах эльфов, павших в ущелье Эйркара от копий и мечей таких же, как ты, да, таких же как ты поганых ублюдков!

– Ганирус прекрати! – вопль Миланики был слышен, наверное, даже за стенами замка. Арлинг вздрогнул, словно ужаленный, вперив в нее свой бездонный взгляд. – Все не так милый, – поспешно добавила она, видя, как ненависть, с головой захлестнувшая могучего воина постепенно сменяется выражением печали и скорби. – Во всем происходящем, в первую очередь, виновата я. Я одна. Если бы я не сбежала тогда с обманщиком Квинтом, мой отец не попался бы в мастерски расставленную веспийцами ловушку. А значит, не было бы, пусть не удавшегося, но все-таки покушения совершенного им на Ругара. Да, любимый, Ивар действительно лично пытался убить короля Иберии. Тогда от позора и неминуемой смерти от рук разгневанных гномов его спас Арт Невредимый. Благодаря помощи этого удивительного молодого человека король сохранил отцу не только жизнь, свободу, но и честь, великодушно даро-

вав прощение. Нам многое пришлось пережить, прежде чем я снова увидела дорогие моему сердцу леса Арлинга. Когда я ступила на родную землю, то наивно решила, что весь этот кошмар остался навсегда позади. Очередная ошибка. Кто же мог подумать, что Кормак использует смерть брата, как повод для вероломного нападения?

Девушка тяжело вздохнула и украдкой вытерла концом шелкового платочка непрошеную слезинку.

– Ты, языкастый, того... ступай, пока цел, – она тихонько подтолкнула враз присмирившего Ошгана к выходу, – ступай-ступай, пока еще чего-нибудь не ляпнул.

Потерявший дар речи от такой неожиданной исповеди, гном впервые не нашёл достойного ответа, и просто кивнул. Вскоре его тяжелые шаги стихли, заглушенные мерным грохотом, не знающей усталости катапультной.

– Прости меня, госпожа. Сорвался, – у Ганируса был такой вид, словно он готов был провалиться сквозь землю от стыда.

Эльфийка едва удержалась от желания нежно погладить, прижаться, утешить любимого. Но сейчас ей следовало забыть о сантиментах и попробовать как можно скорее разобраться в сложившейся ситуации.

– Может, и прошу, – лицо Миланики приняло нарочито строгий вид. – Если ты, наконец, раскроешь мне одну тайну. Скажи, в чем кроется причина столь лютой ненависти к горному народцу? Я ведь не в первый раз замечаю, как ты срываешься, споришь с Ошганом. Про инцидент с Орли я вообще молчу. Да, гномы тоже не подарки. Но сболтнуть лишнего для иберийцев издревле было в порядке вещей. Такой уж у них темперамент. Но чтобы ты – великий воин, один из прямых потомков первых, ступивших на эти земли арлингов, не смог совладать с собой, будто сопливый юнец? Сказать, что этот факт меня пугает, значит не сказать вообще ничего. Я просто не знаю, о чем и подумать милый! Так что давай, не молчи. Рассказывай, в чем тут дело?

– Не могу, – после этих слов лоб арлинга усеяли бисеринки пота, – не заставляй меня. Прошу, не надо.

– Не может быть! – промелькнуло в голове эльфийки. – Он пытается спорить, не смотря на воздействие печати Феникса?! Невероятно! Может дар богини ослабел, разбавленный кровью сотен тысяч минувших поколений? Или я опять что-то пропустила? Ничего не понимаю. В любом случае, на эту проблему стоит обратить пристальное внимание.

Приняв ее молчание за недовольство, Ганирус порывисто вздохнул, опустил на одну из близлежащих плетеных циновок, вытер пот с лица и еле слышно прошептал:

– Это произошло со мной неподалеку от острова Мэлори...

– Ты был на пиратском острове? – охнула девушка.

– Нет, на самом острове не был. Мой корабль сел на мель, примерно в полумиле от этого проклятого места.

– А как ты вообще там оказался?

– Шторм, – коротко пояснил Броненосец.

– Продолжай.

– Во время прилива, нам все-таки удалось сдвинуть корабль с места. Осмотрев судно на предмет повреждений, я пришел к выводу, что в этот раз легко отделался. Небольшая трещина чуть выше ватерлинии была заделана за пару часов. Поэтому, различив на горизонте небольшой, весел примерно на двадцать, снечкар я ни капельки не встревожился. Мой корабль был намного крупнее и быстрееходнее, не говоря уж о трехкратном численном преимуществе. Приблизившись друг к другу на минимально допустимое расстояние, мы наскоро обменялись приветствиями, после чего меня и моих ближайших помощников любезно пригласили отобедать в теплой компании «достойных гномов». Не видя причин для отказа, я с несколькими соратниками взошел на борт пиратского, как впоследствии выяснилось, судна. Первым, что меня

поразило, был, а точнее была, капитан корабля. Стройная, белозубая, удивительно грациозная девушка, которая была на две головы выше остальных, сгрудившихся на палубе гномов. Её звали Рёгинлейв – «наследница богов». «Достойное имя» – подумал я. Приняли нас поначалу тоже достойно. Жареное мясо, овощи, много эля и вина – этот, богатый, не характерный для дальнего плавания набор, свидетельствовал о том, что судно относительно недавно покинуло порт. Будь наше преимущество не столь очевидным, я, быть может, и насторожился бы. Мне стоило провести параллель между близостью острова, об обитателях которого давно ходила дурная молва и набором свежих продуктов. Но ослепленный своей гордыней, помноженной на красоту и грацию Рёгинлейв, я, к сожалению, совсем забыл об осторожности. Меня даже не удивил тот факт, что иберийцы пили исключительно свой эль, демонстративно не прикасаясь к вину. Решив, что им попросту больше по вкусу этот, традиционный для бородатых недомерков напиток, я даже позволил им перенести несколько бочек вина на свое судно, чтобы остальные члены моей команды тоже могли «убедиться в щедрости и благих намерениях гномов».

– Снотворное? – Миланика тихонько приобняла возлюбленного, доверчиво прижавшись к его могучему плечу.

– Точно, снотворное, – арлинг сморщился, будто надкусил незрелый лимон. – После первого же бокала, я лишился сознания, а заодно и всей команды. Очнувшись мы уже в кандалах. Следующие три недели плавания были наполнены самыми ужасными и мерзкими вещами, на которые только была способна извращенная гномья фантазия. Нас пытали, насиловали, истязали, проявляя по отношению к скованным пленникам просто бездну садистской изобретательности. Однако большинство пыток, выпавших на мою долю, от рядовых пиратов, не шли ни в какое сравнение с большим воображением и богатым опытом их капитанши. Она, как никто другой умела балансировать на грани мучительного наслаждения и ужасной боли. Не проливший за свою жизнь ни единой слезинки, я рыдал как ребенок, когда она в очередной раз покидала мое изможденное, истерзанное пытками тело.

Арлинг замолчал, пытаясь собраться с мыслями. Его пудовые кулаки сжались так сильно, что казалось, из них вот-вот закапает влага.

– Какой ужас! – девушка сочувственно коснулась чешуйчатой щеки Ганируса. – Как же вы спаслись?

– Благодаря моему дару, – печально улыбнулся воин. – Когда это случилось, у меня уже была метка броненосца, но дар еще не проснулся. И вот, момент наступил, когда я уже совсем потерял надежду на спасение. Представь себе изумление пиратов, когда из полуголового, измученного пытками раба, со всех сторон окруженного гогочущими, облаченными в легкие доспехи гномами я в мгновение ока превратился в могучего воина, кожа которого способна выдержать прямое попадание полуторного бастарда. Выхватить меч у одного из этих расслабившихся кретинов было не сложно. Они попросту не ожидали от пленника такой прыти. Потом была кровь, много крови. Рёгинлейв погибла одной из первых. Я разрубил сучку одним махом, от шеи, до поясницы, вложив в этот удар всю, накопившуюся во мне боль и ненависть. Когда я, наконец-то, добрался до клеток, в которых ютились остатки моей команды, вся палуба напоминала одно большое кровавое месиво. С тех самых пор прошло немало лет, но я, порой, все еще просыпаюсь в холодном поту. Меня неотступно преследуют кошмары о тех давным-давно минувших событиях.

Ганирус снова замолчал, подставив лицо прохладному, свежему, чистому как слеза младенца ветерку. Его грудь поднялась, набирая как можно больше пьянящего, с ароматом лесов Иберии, воздуха. Миланика почувствовала, как напряжение, сковывавшее величественного арлинга, понемногу отступает.

– Но ведь не все же они такие, – девушка робко дёрнула любимого за рукав. – В Иберии полным полно добрых, порядочных гномов. Нельзя подгонять целое королевство под одну гребенку из-за нескольких встретившихся на твоём пути тварей!

– Ты не понимаешь, – непреклонно мотнул головой Броненосец. – Я тогда поклялся, что никогда, никогда больше не доверюсь иберийцу. Вот почему я спровоцировал конфликт с Орли, когда узнал о решении принца передать гномам одного из драконов. И я до сих пор считаю, что был прав. Нельзя просто так взять и отдать в руки этим кровожадным тварям оружие, такой разрушительной силы! Особенно сейчас, когда Иберия вероломно разоряет земли Арлинга. Быть может, ты позволишь мне...

– Даже не думай об этом! – в голосе эльфийки зазвучали металлические нотки. – Я не позволю нарушить слово, данное Ошгану моим отцом.

– И что нам тогда прикажешь делать? Гномы безнаказанно вырезали всю верхушку императорской семьи. Я уж не говорю про остальных эльфов, павших от их рук. А ты вместо того, чтобы хоть как-то повлиять на продиктованное чувством вины решение отца, продолжаешь нянчиться с одним из этих треклятых убийц! Да я готов трижды пожертвовать как собой, так и драконами, чтобы уберечь наши земли от этой скверны!

– Драконы никогда не будут угрожать Арлингу. Полбочки дал слово.

– А если я не верил, не верю и никогда не поверю ни единому его слову?

– Тогда Ганирус Броненосец, ты просто продолжишь подчиняться своему непосредственному сюзеру, Ивару Охраняющему, тем самым выполняя свой долг, – в голосе Миланики зазвучали стальные нотки. – Точно так же как это делаю я, – она раздраженно притопнула ножкой. А про себя добавила, что не спустит глаз с будущего мужа до тех пор, пока не устранил эту проблему. Ошгану не место в такой опасной компании. Надо как можно скорее отправить гнома с драконами в Иберию. Чем дальше Ганирус будет находиться от источника раздражения, тем лучше.

– Зачем ты так поступаешь со мной, любимая? – лицо арлинга приняло обиженное выражение.

– Прости милый, – гнев Миланики испарился так же быстро, как и возник, – просто я однажды уже послушалась Ивара. Ты знаешь, к чему это в итоге привело? Пойми, мой отец не зря был выбран главой ордена Охраняющих. Такие высокие посты не получают просто так, за одну лишь близость к трону. Их надо заслужить. При всей своей кажущейся молодости, папа порой, гораздо дальновиднее многих, проживших не одно столетие эльфов. Если он поверил клятве Ошгана, то мы тоже обязаны довериться его личной проницательности. Не забывай, принц вырос во дворце, до краев заполненном изощреннейшими интригами и ловушками. Так что давай больше не будем ссориться, а лучше подумаем, как нам быть дальше. Предположим, что план Ошгана удастся и катапульты некоторое время не будут нам досажать. Сколько еще мы тогда сможем продержаться?

– Сложно сказать, – Ганирус прикусил губу. – С одной стороны до сих пор нам удавалось сдерживать постепенно возрастающий натиск противника, с другой стороны по-настоящему серьезных штурмов ещё не было. Создаётся впечатление, что нас больше стерегут, чем атакуют. Такими темпами мы можем держаться долго, очень долго. Покуда хватит припасов.

– А потом?

– Потом, – Броненосец грустно улыбнулся, – потом голод, истощение и смерть. Правда думаю, что до этого не дойдет. Эолан Черный отнюдь не дурак и не даст погибнуть внучке Арувала, пока не получит на этот счет конкретный приказ.

– В нем-то я тоже не сомневаюсь, – она тяжело вздохнула, – а что ты скажешь насчет Летора Холодного? Вот уж к кому лично я никогда не повернулась бы спиной, так это к нему. Прикончит и глазом не моргнет. Тем более, когда отец в опале.

– Не говори глупостей, – Ганирус демонстративно постучал себя указательным пальцем по голове. – Для него твоя жизнь имеет особую ценность.

– Это еще почему?

– Не догадываешься? Нет? Ладно, объясню. Майлин Твердый не просто так выпросил у твоей венценосной тетки дополнительные полномочия. Ему выгодно содержать тебя под стражей в фамильном замке. Ближе к телу, так сказать. Ведь с того момента, как Ивара объявили вне закона, он полностью потерял власть не только над своим имуществом, но и над всеми членами своей семьи. Следовательно, твоя дальнейшая судьба целиком и полностью зависит от решений, принимаемых лично Альвией Светлой. А она, насколько я помню, с самого твоего рождения мечтала обручить вас с Летором. Ни для кого не секрет, что этот змееныш подкольный ходит у нее в любимчиках.

Девушка не сдержалась и громко хмыкнула.

– А мое мнение, что, уже ничего не значит?

– В том то и проблема, что нет. По закону, ты уже можешь вступить в брак, но только с волеизъявления родителей или других, назначенных сводом правил Арлинга опекунов. Будь ты лет на пять-десять постарше, тогда другое дело. Тогда ты могла бы решать сама. Но, увы, не сейчас. Вот и пораскинь мозгами. Какой смысл Холодному лишать себя возможности породниться с императорским домом? Да после такого, династически выгодного брака, он автоматически становится единственным, достойным претендентом на трон. Арувал мертв. Старшие братья Ивара тоже. Сам принц – не более чем опасный государственный преступник. По сути, ты должна будешь еще благодарить Летора, за то, что он возьмёт тебя, дочь предателя, в жены. Так как этим, поистине «благородным» поступком он снимет позорное клеймо с вашего потомства.

– Все-все, хватит, не продолжай, – Миланику передёрнуло от отвращения. – Я все поняла. Нет смысла описывать мне в подробностях то, что еще не случилось и уверена, никогда не случится. Ивара рано или поздно оправдают. Я выйду за тебя замуж, тем более, что отец уже дал на это согласие. И кстати, не забывай, что мы с тобой навечно связаны печатью Феникса. Уверена, это обстоятельство отобьёт у Летора всякую охоту свататься ко мне.

– Ох, солнышко, – развел руками Ганирус, – какая ж ты у меня все-таки наивная! Холодному совсем не обязательно иметь от тебя детей, чтобы стать императором. Достаточно статуса мужа. А меня, как «особо злостного пособника врагов империи», можно вообще казнить потихому. Такое уже случалось раньше. Не я первый, не я последний.

– Что же нам теперь делать?

Ганирус тряхнул головой:

– Что делать? Бежать отсюда! Бежать, при первой же возможности. Продолжив сидеть в укрытии сложа руки, мы можем еще на какой-то период отсрочить твое пленение, но конец все равно неизбежен. Вот если бы нам удалось незаметно выскользнуть из замка... На этот случай у меня есть отличный, быстроходный корабль, стоящий на якоре в укромном месте. Поверь, милая, за годы морских странствий у меня появился с десятков укрытий, в которых можно не только с комфортом разместиться самим, но и надежно спрятать двух подрастающих драконов. По правде говоря, я даже готов рискнуть и попытаться сбежать, пока драконы будут палить катапульты, отвлекая противника.

Миланика наставительно оттопырила изящный указательный пальчик:

– Не забывай мой хороший, не драконы, а один, всего лишь один дракон. Зная Ошгана, рискну даже предположить, что это будет именно Инга. Она крупнее и намногомышленее, чем Скар.

– Да это в принципе не важно. Уверен, суматоха, которая поднимется в лагере при его появлении, обеспечит нам самое надежное прикрытие.

– Так чего ж мы стоим? – оживилась Миланика, подняв на арлинга глаза, в глубине которых затеплился лучик надежды. – Давай, любимый, действуй!

– Видишь ли, – Ганирус сокрушенно качнул головой, – на данный момент, у меня нет никаких сведений, насчет расположения сил противника. Пусть даже примерного. Сколько

их? Где расположены основные силы? Передовые отряды, ошивающиеся в непосредственной близости от стен не в счет. Не могу же я прокладывать маршрут вслепую. С таким подходом нас переловят в два счёта. Нет. Риск слишком велик.

– Ну, если дело только в этом, – девушка облегченно рассмеялась, – то могу тебя успокоить. Я давным-давно знаю не только точную численность собравшихся вокруг замка эльфов, но и где находится их лагерь. Если мы покинем замок через южные ворота, то на нашем пути практически никого не будет. Воинов десять-пятнадцать, не более.

– Не знаю, что и сказать, – Броненосец в растерянности округлил глаза, – на такое неожиданное заявление. У тебя что, есть тайный лазутчик вне замка?

– Скорее лазутчица.

– Лазутчица? Час от часу не легче. И кто она?

– Не догадываешься?

– Говорю же, что не знаю. Давай уже... Не томи.

– Помнишь, я рассказывала тебе, о Росинке? Мою спутницу убил Квинт Лентул. Прямо у меня на глазах.

– Сочувствую, – промолвил Броненосец.

– Всё в прошлом, – отозвалась Миланика. – Спустя несколько долгих, ужасных месяцев, проведенных в веспийском плену я, наконец, вновь ступила на землю Арлинга. Хотя если говорить точнее не ступила, а была выброшена на берег волнами, будучи без сознания после кораблекрушения. Каково же было моя радость и изумление, когда очнувшись, я увидела перед собой пятнистую лань, точную копию сотни раз оплаканной Росинки. Даже не знаю, как описать мои чувства в этот момент. Это было похоже на то, как будто я вновь отрастила отрубленную руку или ногу. Помнится, наставники говорили мне, что спутника меченного нельзя убить навсегда. Спустя некоторое время он должен обязательно вернуться. Но я совершенно пропустила мимо ушей фразу насчет того, каким он должен вернуться. Внешне Росинка никак не изменилась. Однако наша связь, позволявшая и раньше отдавать ей любые беззвучные приказы, окрепла. И вот, я могу буквально видеть ее глазами. Причем проделываю этот фокус, когда захочу, не зависимо от расстояния и разделяющих нас преград. Теперь я вспоминаю, как наставники в один голос твердили, что нет никакого смысла в убийстве спутников меченных. Если животное погибло насильственной смертью от чужой руки, то оно рано или поздно возвращается, принося своему хозяину новые, удивительные способности. Посмотри, – эльфийка закатала правый рукав кимоно, обнажив украшенное меткой лани плечо. – Цвет моей метки изменился. Он стал глубже, темнее, и зудит с тех самых пор в два раза сильнее.

– Ох, милая, – Ганирус нежно привлек девушку к себе, – ты не перестаешь удивлять меня снова и снова. Если нам действительно суждено вырваться из окружения без потерь, это будет целиком и полностью твоя заслуга.

– Скажешь тоже, – зарделась от похвалы Миланика, – целиком и полностью. Все что я могу, так это оглядеть, глазами Росинки, окрестности и указать примерное направление.

– А большего и не потребуется, – арлинг довольно потер руки. – Пойду, отдам приказ насчет кольчуги для дракона. Времени у нас и правда не много, надо поторапливаться.

– Тогда я предупрежу Ошгана.

– Хорошая идея. Лично мне лучше держаться подальше от этого тупоголового недомерка.

– Да уж, – девушка скривилась, – сделай одолжение. – Будет обидно, если вы сцепитесь друг с другом в самый ответственный момент. А быть все время рядом, чтобы разнимать вас я, увы, не могу.

– Не волнуйся любимая, – Ганирус коротко поклонился, – обещаю, что без твоего дозволения с его вонючей бороды не упадет ни один волосок.

Сарная

– Да как ты смеешь в открытую перечить мне? – свистящий, полный угрозы шепот Бадилхана заставил Сарнаю униженно склонить голову и покорно опуститься перед ним на колени.

– Прости отец но...

– Никаких но! – хан в бешенстве схватился за позолоченную рукоятку тонкого, хищно изогнутого кинжала. – Вякни еще хоть слово, и видят боги, я лично проташу тебя на аркане вокруг стойбища. Вон отсюда, негодница! И не попадайся мне на глаза до начала похода, иначе я за себя не отвечаю! – в этом месте Бадила неожиданно поперхнулся и надсадно закашлял.

Видя, как широкое, лунообразное лицо ее повелителя постепенно наливаясь нездоровой синевой, девушка молнией выскользнула из шатра. Вскочив на пасущегося поблизости стройного белоснежного жеребца, арторианка с места пустила животное в галоп, спеша как можно скорее умчаться в бескрайнюю степь, подальше от родительского гнева.

– Ай! Вот кто меня за язык-то тянул? – Сарная досадливо тряхнула головой, смахнув выступившие от резких порывов встречного ветра слезинки. Вплетенные в ее волосы золотые монетки послушно отозвались монистовым звоном. – Сто раз уже зарекалась не спорить с отцом на совете, и вот на тебе. Раскрыла варежку. Теперь опять придется какое-то время вести себя тише воды, ниже травы, пока Бадила не соизволит сменить гнев на милость. С другой стороны, а что еще оставалось делать, если отец в последнее время ведет себя не как великий хан одного из самых крупных улусов Артории, а как простой, голозадый наемник, время от времени подвизающийся на службе у Веспийской империи? Не спорю, конечно, сенатор Флавий посулил им за этот поход немалую сумму. У подханков даже слюнки потекли, когда она озвучила цену, которую готов заплатить император за набег на земли Иберии. Но жадность жадностью, а о здравом смысле тоже забывать не стоит. Наш народ уже поплатился однажды за спесь, глупость и недалёковидность Корвуда Лживого. Причем так хорошо поплатился, что вот уже которое тысячелетие воины некогда могучего каганата вынуждены постоянно кочевать, питаясь крохами со стола постоянно грызущихся между собой ханов. А ведь когда-то Артория процветала. Множество величественных городов, скрывали за своими каменными стенами богатства, равных которым не было даже у ежегодно добывающих тонны золота и драгоценных камней гномов. Старики утверждают, что давным-давно бородатые сами привозили нам дань, униженно кланяясь до земли каждый раз, когда встречали на своем пути доблестных повелителей степи. Эх, было же время, – девушка тяжело вздохнула, – не чета тому позору и унижению, с которыми теперь приходится мириться кочевникам. А ее родной отец, заискивая перед веспийскими собаками, никак не может понять, что этим только ухудшает и без того не простое положение своего улуса. Иберия за последние десятки лет усилилась настолько, что набег на ее земли сопряжен с массой трудностей, и принесёт больше вреда, нежели рабов или золота. Тем более что атаковать придется относительно небольшой участок, на котором треклятые рудокопы еще не успели достроить свою чудо-стену. Гномы не дураки и наверняка заранее стянули туда все свободные силы. А это уже пахнет не лихим набегом, а полноценной военной компанией, которая неизвестно, сколько продлится и чем вообще закончится. В любом случае потери среди нукеров будут не малые. Хорошо устроился хитрюга Луций. Чужими руками нанести удар по Иберии, которая и так уже находится в состоянии войны с Арлингом. Да их же потом голыми руками можно будет брать. Лучше пожертвовать толикой золота и сохранить армию в целостности и сохранности, чем попусту губить воинов, бросаясь на несокрушимый гномий хирд. Вот это я понимаю, дальновидный политик, у которого хватает и денег, и умелых воинов, причем не только в армии, – Сарная скрежетнула зубами, вспомнив, каким невыносимым позором и унижением закончился её последний поединок. Мало того, что

этот раб прилюдно унизил ханскую дочь, доселе не знавшую поражений, так он еще и умудрился остаться в живых после совместно проведенной ночи.

– Я должна, должна была прикончить его, – арторианка с силой рванула удила, заставив несущегося в весь опор скакуна взвиться на дыбы, повинуясь железной хватке своей хозяйки. – Прости Азур, – опомнившись, она нежно потрепала обиженно храпящего коня по взопревшей, могучей, лоснящейся от пота шее, – ты ни в чем не виноват. Это все я, все я....

Азур укоризненно покосился на нее налитым кровью глазом.

– Как думаешь, – девушка спешила, оказавшись по пояс в густой, высокой траве, – он еще жив? Гладиаторы дерутся чаще, чем легионеры или простолюдины. Знаешь, я никогда не думала, что мое сердце будет замирать от страха при одной только мысли о том, что эти сильные и вместе с тем такие нежные руки больше никогда не обнимут меня. Я, наверное, в сотый, нет, в тысячный раз корю себя, зарекаюсь, но все равно мечтаю снова заглянуть в удивительные, цвета весеннего неба глаза. С такой лаской, с такой теплотой на меня смотрела только мама. После ее смерти я поклялась, что больше никому и никогда не позволю запасть мне в душу. И поначалу все так и было. Отец почти не интересовался судьбой непокорной дочурки, особенно после того, как потерял последнюю надежду выдать ее замуж. Отношения с остальными членами улуса тоже зависли на грани страха и раболепия. Даже потерпев сокрушительное поражение от меченого Ланой раба, я была скорее удивлена, чем расстроена, так как знала, что, вскоре прикажу казнить его. И все чем сможет ответить мне Луций, так это выставить круглый счет за порчу имущества. Но после того, что я испытала.... Нет, я поступила верно. Арт не должен был умереть тогда. По крайней мере не от моей руки. В любом случае, – она недовольно тряхнула головой, – следующие Апорийские игры ему не пережить. По крайней мере так утверждал Нумерий. Ланиста определенно имел на Невредимого зуб, иначе не стал бы, попусту болтать. Значит Луций по каким-то, одному ему известным причинам, все же решил избавиться от приносящего звонкую монету гладиатора.

– Госпожа, госпожа! – раздавшийся поблизости крик, заставил Сарнаю прервать свою исповедь и встревоженно обернуться. Со стороны стойбища к ней быстро приближались четверо всадников, облаченных, как большинство кочевников-воинов в подбитые и простеганные кафтаны, панцири, доходящие до колен и усиленные толстыми металлическими полосками. Их бритые головы были покрыты круглыми шлемами с наносником, украшенными двумя длинными пучками волос. Затылок и щеки надежно прикрывала мелкочейстая кольчужная сетка. Прочно закрепленные на высоких, кожаных сапогах наколенные бляхи с острыми шипами, зловеще поблескивали, отражая яркие лучи полуденного солнца.

– Госпожа, – первый из всадников кубарем скатился с седла и покорно распростерся возле ее ног, – он все-таки сбежал, они все сбежали!

– Кто сбежал? – по мере понимания ее глаза расширились от удивления. – Постой, постой! Арт? Ты уверен Очар?

– Да госпожа. И это не простой побег! Они.... Они подняли настоящее восстание именем некоего Гая Смирного, единственного уцелевшего прямого потомка Авла Антония. На данный момент к мятежникам успели присоединиться гладиаторы из еще двух расположенных неподалеку лудусов.

– Надеюсь, никто кроме вас четверых не знает о том, что меня волнует судьба этого раба? – острым носком сапожка девушка чуть приподняла голову, коленопреклонённого нукера.

– Госпожа, хатун, – морщинистое, загорелое лицо Очара затряслось от едва сдерживаемой обиды, – вы же прекрасно знаете, что я скорее откушу себе язык, чем позволю чужаку прикоснуться к вашей тайне. А мои братья, – воин кивнул на замерших позади него кочевников, – вообще молчуны, каких еще поискать.

– Надеюсь все именно так, как ты говоришь, – Сарная поджала губы, – потому что в противном случае я не поленюсь и лично нарежу с десятком-другой ремней из ваших шкур. Клянусь меткой Ланы! Имей ввиду, это не пустые слова. Я не даю обещаний, которые потом не могу выполнить. Усвоил? – она угрожающе сощурилась. В удлинённых глазах мелькнули злые, предостерегающие огоньки.

– Да хатун, я все понял.

– Ну, вот и славно. Так откуда, говоришь, у тебя информация о восставших рабах?

– Простите госпожа, но они больше не рабы.

Сарная недоверчиво приподняла левую бровь.

– Мне донесли, что император, незадолго до восстания, лично освободил Гая Антония. Похоже, Корнелий решил, что бастард давным давно почившего Авла больше не представляет для него опасности. Большая ошибка. Став свободным, полноправным гражданином Веспы, Смирный, первым делом, объявил себя законным наследником престола, а правящего Корнелия назвал преступником и узурпатором. После чего своей волей даровал свободу всем рабам, готовым поддержать его притязания.

– Интересная у нас ситуация получается, – Недотрога задумчиво скрестила руки на пышной, высокой груди. – До сих пор Гней был и остается полноправным властителем империи, с этим не поспоришь. С другой стороны, все не так уж и однозначно. Если этот Гай Смирный действительно признанный бастард покойного императора, то он, в отсутствие прочих прямых наследников, несомненно, является единоличным претендентом на трон. А это значит, что он и в самом деле может даровать свободу любому из рабов. Да, – она восхищенно прищелкнула, – это действительно не простой побег кучки рабов. Это восстание, которое способно в недалеком будущем расколоть империю на два враждующих лагеря.

– Не думаю, госпожа, – Очар рискнул приподнять голову, – что положение Гнея Великого настолько серьезно. Ведь подавляющее большинство сенаторов уже открыто выступили на его стороне.

– Что так?

– Все просто. Если на престол воссядет потомок Авла, то он наверняка потребует себе обратно все земли, замки и богатства, испокон веков принадлежащие его семье, а это не просто огромный, а еще и сладчайший кусок империи. В сенате это естественно понимают и, ясное дело, не горят желанием возвращать награбленное. Не будь восстание таким внезапным, его уже давным-давно бы подавили.

– Считаешь, что причина только в этом?

– Ну, не только, конечно. Во-первых, ближайšie регулярные войска на данный момент находятся в месяце пути от столицы и гладиаторам противостоят лишь местные, наспех собранные из разжиревших городских стражников отряды. А во-вторых, не часто бывает, чтобы на острие атаки находились одновременно два меченных с уникальными, боевыми, отточенными на арене, навыками. С их способностями разорвать строй противника не составляет вообще никакого труда.

– Даааа, – процедила сквозь зубы арторианка, – способностей там и вправду хватает. Хоть попой ешь. Но вот, надолго ли? Без поддержки представителей из сената или армии их неминуемо ждет поражение, суд и публичная казнь. Надеюсь, им хватит ума понять это.

– Вы как всегда правы, госпожа. Во время последнего совета мятежниками было принято решение покинуть на время пределы империи. Насколько мне известно, сейчас они направляются в сторону моря.

– Откуда ты все это знаешь?

– У меня есть уши в большинстве лудусов, – льстиво сообщил кочевник, – и я в любое время готов поделиться с вами самыми свежими новостями.

– Вот за это спасибо, – Сарная благодарно улыбнулась, – Напомни, при случае, выдать тебе пару золотых, сверх положенного.

– Благодарю, госпожа. Только... – Очар замялся, кланяясь как деревянный болванчик.

– Ну что там еще? Говори живее. Не зли меня. Ты же знаешь, я с детства ненавижу любые недомолвки.

– Этот Арт, гладиатор, который вас интересует... Он не пошел к морю, а напротив, прихватив с собой всего одного гнома, отправился на виллу, хозяйкой которой, по моим сведениям, является Корнелия, единственная дочь Гнея Великого.

– Тааак, – в голосе хатун зазвучали опасные нотки, – и ЧТО, по-твоему, он мог там забыть?

– Точно не знаю, госпожа. Но на совете они упоминали какую-то рабыню, – нукер щёлкнул пальцами припоминая. – Хлою. Её подарил Корнелии сенатор Луций.

– Вот значит как, – Сарная выругалась так замысловато, что у присутствующих буквально глаза на лоб полезли. – Стоило лишь этому похотливому козлу выйти на волю, как он тут же помчался в постель к этой крашеной сучке. И это после всего, что между нами..., – она осеклась.

– Осмелюсь предположить, – подал голос один из кочевников. Колченогий, жилистый как старый пень воин, – что их целью является спасение этой Хлои, а вовсе не проникновение в покои к дочке императора.

– Да будет тебе Цага, – девушка рассержено притопнула ножкой, – как будто я не знаю, что эта потаскушка, за последнее время, выложила крупную сумму, регулярно оплачивая ланисте постельные услуги Арта. Нумерий сделал вид, что нечаянно проговорился об этом, притворно вздыхая и многозначительно поглядывая на меня перед самым отъездом. Что ж, теперь я точно знаю, что буду делать. Очар, – кочевник в очередной раз поклонился, – собери мою личную охрану. Всех, кого застанешь. Выступаем сегодня вечером. Я покажу этой дважды меченой отрыжке шакала, как издеваться над самой Сарнаей Недотрогой.

– Как прикажете, хатун. Боюсь только, что Бадице-хану это не понравится.

– Это не твоя проблема, – Сарная решительно отмела все возражения нукера. – Если все пойдет по плану, то отец даже не заметит моего отсутствия. Он же сказал мне не показываться ему на глаза до начала похода. Вот и не покажусь, до поры до времени. Мы успеем нагнать орду на подступах к Иберии. И еще, пошлите весточку Шоне. Чувствую, что пришла пора напомнить ему про один старый должок.

– Госпожа, – щеки кочевника затряслись от едва сдерживаемого страха, – может не надо весточку, а? Ну к чему нам попусту тревожить Великого Шамана? У него хватает забот и без нас.

– Боишься? – Недотрога понимающе ухмыльнулась. – Ладно, Очар, успокойся. Не буду тебя мучить. Шону я навешу сама, а вы ожидайте нас возле Змеиного Колодца. Возьмите с собой бурдюки. Надо будет запастись водой перед дальней дорогой.

Взмахом руки отпустив нукеров, девушка больно пришпорила едва отошедшего после недавнего забега жеребца. Всхрапнув от неожиданности, благородное животное рванулось, понёсшись вперед так стремительно, что казалось, вот-вот обгонит мелькающих тут и там острокрылых стрижей. Оставив позади с десяток миль, она остановилась перед огромным, высотой, наверное, в три человеческих роста валуном. Каменюка одиноко возвышался посреди голой, безжизненной степи. Его прохладная, шершавая поверхность была сверху донизу испещрена полустертыми, местами покрытыми скоплениями бурого лишайника надписями, половину из которых, по слухам, не мог прочесть даже сам Шона. Стоптаные за несколько веков использования каменные ступеньки, вели в просторную, по меркам кочевников пещеру. Стены были густо увешаны прекрасно сохранившимися, шкурами молодых драконов, рогами диких крастеров, шерстистых носорогов и прочей раритетной живности. В самом центре

жилища, возле костра, горящего ровным, синим, недовольно гудящим пламенем сидел на корточках сам Великий Шаман. Его кривоногое, безволосое, корявое, ссохшееся до состояния полускелета тельце было как две капли воды похоже на одну из трех пепельных мумий, сиротливо подпирающих вкопанный в дальнем углу тотем, изображающий гигантскую летучую мышь. Багровый рисунок, в мельчайших подробностях повторяющий деревянное рукокрылое изваяние, устрашающе скалился с левого плеча Шоны. Нервно помаргивая время от времени, шаман методично помешивал большой деревянной ложкой бурлящую в глиняном котле густую, темно-серую массу, в которой порой мелькали чьи-то шевелящиеся когтистые лапки, кожистые крылышки и мохнатые ушки.

– Ччччего тебе? – скрипучий, слегка заикающийся голос заставил Сарнаю оторваться от созерцания очередного, судорожно хватющегося за край котла обрубка и перевести взгляд непосредственно на хозяина пещеры.

– Приветствую тебя, о мудрейший. Да продлят боги твои годы.

– Бббоги тут ннне при чем, – старик откашлялся, сплюнув в дымящееся варево тягучей зеленоватой слюной. – Пппитаться надо правильно, а ннне тянуть в рот всякую гадость.

Воспоминания о еженедельном рационе шамана заставили Сарнаю сглотнуть подступивший к горлу комок. Нет, конечно, большинству кочевников приходилось время от времени пить свежую лошадиную кровь. Сие могло иметь место при исполнении некоторых воинских обрядов или на период долгого похода, когда с провизией становилось туго. Но делать ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ кровь основным средством пропитания – это для Недотроги было уже слишком. Кроме того, Шона был единственным из «живых» существ, с которым она сама, порой, боялась встретиться взглядом. Ибо никогда не знаешь, что может прийти в голову вампиру, если он хорошенько проголодается. А то, что Великий Шаман был именно вампиром, знал буквально «с пелёнок» каждый второй мальчишка в улусе. Украдкой разглядывая одиноко торчащий из земли валун, знатнейшие нукеры тихонько перешептывались между собой, что, мол, если бы не умение шамана говорить с духами, то ему давно уже следовало бы поглубже забить осиновый кол в сердце. А после еще и сжечь, для надежности. Но все эти разговоры, естественно, так и оставались просто разговорами. Открыто обвинить Верховного Шамана в «чрезмерном кровопийстве» никто и никогда не осмеливался. Даже Бадила-хан. Все что он смог, так это запретить большинству из своих подданных приближаться к жилищу шамана на расстояние полета стрелы, да еще дополнительно, сверх обычной, положенной «танцующим с духами» доли, выделять прожорливому не по годам упырю двух сочных, молоденьких рабынь в месяц. И дело было не только в том, что Шона действительно шикарно камлал и, вне всякого сомнения, являлся одним из лучших лекарей каганата. Его власть держалась еще и на СТРАХЕ, да-да именно на СТРАХЕ с самой, что ни на есть большой буквы. Причем, для того чтобы повергнуть противника в ужас Шоне не нужно было прилагать никаких особых усилий. Достаточно было всего лишь одного мимолетного взгляда. Его блеклые, выцветшие, серовато-желтые, постоянно слезящиеся от солнечного света глаза легко проникали в самые потаенные уголки вражеского сознания, вытаскивая оттуда наружу самые отвратительные и самые кошмарные человеческие фобии. Сарнае однажды довелось испытать на своей шкуре действие ужасной магии. Это случилось несколько лет назад, когда она была всего лишь сопливой, толстошкой, чрезмерно любопытной девчонкой, предпочитающей целыми днями беззаботно резвиться со сверстниками, совершенно не задумываясь о возможных последствиях своей бурной деятельности. Вот именно это любопытство и привело их разношерстную, от пяти до тринадцати лет, компанию к входу в чертог шамана. Зловещие слухи о грозном повелителе духов еще сильнее подогревали и без того зашкаливающий интерес ребятишек к одиноко проживающему в каменном мешке затворнику. Покрутившись немножко вокруг и не обнаружив никакой видимой опасности, они осторожно спустились в зияющий проем, из которого неспешно струился сизый, воняющий паленой шерстью и еще чем-то неуловимо-притор-

ным дымок. Именно этот дым и стал первопричиной их скорого обнаружения. Пытаясь прочистить забитые до отказа легкие от едких клубов сочащейся отовсюду нестерпимой вони, один из крадущихся впереди мальчишек не сдержался и громко, надсадно закашлялся. Эта ошибка стала для него фатальной. И не только для него. Материализовавшаяся, буквально из ниоткуда, бледная, тщедушная фигурка шамана повергла детишек в ступор. Его узкие, раскосяе, как у подавляющего большинства коренных арторианцев глаза, внезапно расширились в несколько десятков раз и казалось одним махом заняли сразу пол лица. Струящаяся из них темная, неземная сила, подобно магниту притягивала к себе. Не избежала этой печальной участи и Сарная. Стоило ей буквально на миг встретиться взглядом с Шоной, как свет вокруг погас, заставив девчущку вскрикнуть от неожиданности. Протянув руки в стороны, она ощутила под пальцами гладкую, склизкую, сочащуюся холодной влагой каменную поверхность. Раздавшийся откуда-то сверху громкий звук льющейся воды заставил ее вздрогнуть и лихорадочно заметаться в поисках выхода. Однако все ее усилия ни к чему не привели. Выхода не было. Тем временем уровень ледяной, противно смердящей болотом жидкости, постепенно, но неуклонно поднялся от ее детских, дрожащих как осиновый лист щиколоток до пояса. Когда вода наконец коснулась подбородка, Сарная уже знала, что за этим последует. Полгода назад играя с подружками на скованной первыми зимними морозами речке, она нечаянно провалилась в полынью, образовавшуюся на месте бьющего из-под земли теплого ключа. Бурное течение моментально утащила неосторожную малышку под лед. На этом ее недолгая жизнь могла бы закончиться, если бы не пара отцовских нукеров, случайно проезжавших мимо. Воины, услышав испуганные крики бестолково снующих из стороны в сторону детишек, немедленно бросились на помощь. Они сумели за короткое время пробиться сквозь корку льда, чтобы бережно извлечь из пробоины ее задубевшее, продрогшее до самых костей, постепенно умиравшее тельце. Сарная тогда выжила. И даже не получила обморожения. Выжила, навсегда похоронив в глубинах своего сознания страх перед мучительной смертью от удушья. Чувство холода, безнадежности и ощущение безжалостно разрывающей грудную клетку асфиксии с тех пор частенько преследовали ее по ночам. Именно эти кошмарные воспоминания и заставляли ее продолжать свои безуспешные попытки, отчаянно бросаясь на гладкие, покатые стены снова и снова, и снова...

Внезапно всё разом исчезло. Каменный мешок, тьма, вода... всё. Она лежала на спине, глядя заплаканными глазами в бирюзовое, с прожилками кудрявых облаков небо и жадно хватая полной грудью сухой, горячий, пряный степной воздух. Одежда была по большей части сухая, за исключением всего лишь одного, резко пахнущего свежей мочой пятна ниже пояса.

– Простите меня, маленькая хатун, – бережно поддерживающий ее дрожащие плечи вампир выглядел донельзя растерянным. – Я ббыл голоден и нне предполагал, что кто-нибудь по своей воле решит посетить мое скромное жилище. Обычно меня заранее предупреждают о возможных визитах. Так пповелел ваш всемилостивый и справедливейший отец, хан Бадила, да продлят боги его дни. Еще раз ппрошу прощения, что не узнал вас сразу.

– Все в порядке, – Сарная огляделась. Увидев множество растерзанных, обескровленных, хаотично разбросанных вокруг детских тел, она усилием воли подавила тошноту. – Вы ни в чем не виноваты, – девчущка опасливо посмотрела на нервно кривящийся, со следами недавнего пиршества, рот шамана. Его клыки еще не успели втянуться обратно. Чувствуя, что Шоноа колеблется, оставить ли ему в живых малолетнюю свидетельницу или по-быстрому завершить трапезу, как можно тщательнее заметая следы, девушка затараторила, стараясь отвлечь вампира от кровожадных мыслей.

– А как вы вообще узнали меня? Я не припомню, чтобы мы с вами виделись когда-нибудь раньше. Отец никого не пускает на советы с вашим участием.

– Нну тут все проще простого, – Шоноа хищно улыбнулся. Я лично ппринимал роды у вашей матушки и навсегда запомнил, – он плотоядно облизнулся, – такой несравненный

аромат. К тому же, у вас на шее висит, – последовал небрежный кивок, – специальный амулет. Мой подарок. Как знал, что пригодится.

– Что же нам теперь со всем этим делать? – Сарная робко повела вокруг рукой. – Вы только скажите... Я на все готова, лишь бы помочь в устранении НАШЕЙ, – она умышленно сделала акцент на этом слове, – общей проблемы.

– Ну от вас лично, – задумчиво протянул кочевник, – потребуется немного. Всего лишь держать язык за зубами. Никто не должен узнать о том, что вы приходили сюда. Как думаете, справитесь?

– Конечно справлюсь, – ее облегчению не было предела, – не сомневайтесь.

– Тогда давай, бегите домой, в кочевье. Только сделайте крючок побольше, чтобы никому не пришлось в голову связать их, – вампир указал на трупы, – исчезновение с нами. Ну все, иди, – он легонько подтолкнул Сарную, – об остальном я позабочусь. Обещаю.

– Да уж, немало лет пролетело с тех самых пор, – задумалась Сарная, усилием воли подавив знакомую дрожь в коленях, – как она впервые заглянула в эти кошмарные, водянистые глаза. За это время, слава всемилостивой Лане, многое изменилось. Теперь все по-другому, все немного иначе. Она выросла, набралась сил и умений. И не только в воинском искусстве. Теперь у нее самой есть, что противопоставить магическим способностям Верховного Шамана. Вот только желания схлестнуться с Шоной в честном поединке у нее по-прежнему не было. Стоило лишь вспомнить о ровном, неумолимом журчании ледяной воды, плещущейся у самого ее горла, как мысли о возможном конфликте таяли подобно весеннему льду в разгар солнцепека. Однако внешне арторианка никогда не выказывала опасений, стараясь всегда говорить с шаманом на равных, как ни в чем не бывало:

– Да будет тебе врать-то, – она издевательски всплеснула руками. – Боги, видишь ли, у него не причем... А кто тогда дал тебе метку? Если не ошибаюсь, то это были проделки богини Ланы. Да святится ее имя.

– Да святится, – неожиданно легко согласился не отличающийся покладистым характером кочевник. – Только любой дар, полученный с божественной помощью можно развить, углубить и расширить, а можно наоборот, бездарно профукать его, пустив дальнейшее развитие на самотек.

– В смысле углубить? – Недотрога недоуменно приподняла левую бровь.

Шаман медленно склонился над котлом, звучно принялся, добавил щепотку серого порошка и удовлетворенно кивнул головой.

– В прямом смысле. Тренировать его надо, причем не просто абы как, а правильно и регулярно.

– И как это делать?

– По-разному, – Шопа умиротворенно пожал тощими плечами, – зависит от того, какой именно у тебя дар. Мне, например, достаточно почаще употреблять в пищу свежую человеческую кровь. Причем чем моложе кушанье, – вампир плотоядно облизнулся, – тем лучше. А этому твоему Арту...

– Он вовсе не мой, – гневно перебила кочевника Сарная.

– Твой, твой, – Шопа довольно осклабился, продемонстрировав собеседнице два удлиненных, белоснежных, загнутых клыка. – Уж кому-кому, а мне можешь свои сказочки мне рассказывать. Так вот, для улучшения контроля над питомцем, надо ежедневно давать ему различные мысленные команды, постепенно их усложняя. Для укрепления так сказать внутренней связи. А вот для развития силы надо, напротив, тренировать тело без всякой божественной помощи. Ведь дар сам по себе не дает ни силы, ни скорости, а просто-напросто усиливает в несколько раз их первоначальные значения.

– Не поняла, – девушка недоуменно тряхнула головой, заставив густые, цвета воронова крыла, волосы мелодично тренькнуть вплетенными в них монетками.

– Ннну как тебе объяснить? – старик недовольно поморщился. – Ну, допустим, ты можешь легко поднять вот этот, – он ковырнул лежащий под ногами камень, – небольшой булыжник. Бббудь у тебя метка Невредимого, ты с такой же легкостью могла бы поднять пять или скажем десять таких камней.

– И что с того?

– Не ппперебивай меня, торопыга, – прикрикнул шаман. – Так вот. Если ты будешь изо дня в день поднимать тяжелые камни, то со временем тебе покориться, ну скажем вон тот, – последовал кивок в сторону покрытого мхом валуна размером с молодого кабанчика, – кусочек гранита. Он то и станет твоим новым первоначальным значением.

– И ты считаешь, что Арт действительно сможет вот так вот запросто поднять с десятков таких вот огромных камней?

– Пять, десять или двадцать... Я тточно не знаю, да это и не важно. Важно то, что, став сильнее сам по себе, он станет ЕЩЕ В НЕСКОЛЬКО РАЗ СИЛЬНЕЕ, чем прежде, используя дарованные Ланой способности.

– Удивительно! – Сарная простодушно взмахнула длинными ресницами, решив вытянуть из шамана побольше информации. – Интересно, а мои способности тоже можно усилить?

– Естественно ммможно, – Шона коварно прищурился. – И я ггготов даже помочь тебе, по мере моих старческих кхе-кхе сил, если ты наконец-то поведаешь, в чем конкретно твой дар заключается.

– Ну уж нет, – она громко расхохоталась, – так не пойдет. Меня вполне устраивает, что платой за этот секрет, всегда является жизнь. Никто из ныне живущих, до сих пор не узнал моей тайны.

– Никто, кроме Арта, – ехидно уточнил Верховный.

– Да, – арторианка помрачнела, – никто кроме него. Собственно говоря, поэтому я и пришла к тебе. Надеюсь, ты еще не забыл подробности нашей первой встречи?

– А ччто тут вспоминать? – старик с обманчивым простодушием развел руками. – Ввпервые я увидел тебя сморщенным, розовым, покрытым слизью и кровью кккомочком, который брыкался, вереща при этом так громко и противно, что у меня даже уши заложило. Именно поэтому я больше всего на свете и ненавижу принимать роды.

– Не эта встреча, – Сарная раздраженно топнула ножкой. – Я говорю о том самом дне, когда я... Да что я распинаюсь-то в самом деле? – она обиженно надула изящные губки. – Ты ведь прекрасно понял, какую встречу я имею ввиду? Не так ли?

Шаман в сомнении пожевал бесцветными губами. Потом демонстративно высморкался в костёр.

– Допустим так. И что с того?

– Как что? За тобой, знаешь ли, тянется должок, аккурат с тех самых пор. Стоило мне всего лишь намекнуть отцу о том, что ты имеешь непосредственное отношение к пропаже полудюжины детишек его улуса, пусть даже и не самых знатных кровей, как за твоей драгоценной шкурой тотчас же выстроилась бы очередь из тысячи сабель. А с такой толпой в одиночку не совладать даже Верховному Шаману.

– Вот ззначит как, – в сузившихся глазах кочевника внезапно заплясали недобрые огоньки. – А я-то, грешным делом, считал, что это тты должна мне. Ведь я тогда еле сдержался, чтобы не высосать тебя досуха.

– Не смехи подковы моего коня, – девушка тоже презрительно сплюнула в костер. – Ты не дурак Шона и никогда им не был. Должен был быстренько сообразить, что к чему. Одно дело, потерявшиеся простолюдины, которых в нашем улусе пруд пруди и совсем другое – единственная дочка могучего Бадилы-хана. Мои поиски велись бы по-другому. У отца хватает ищеек, готовых трижды перепахать всю степь ради щедрого вознаграждения. Что замолчал? Все еще считаешь, что ничего мне не должен?

– Будь по твоему, – Шона обезоруживающе выставил вперед тонкие, полупрозрачные, напоминающие детские ладошки. – Я ввсегда говорил, что с радостью готов исполнить любое пожелание маленькой хатун.

– Тогда собирайся, о мудрейший. Мы едем в Весп.

Ивар

Его привел в чувство запах горячей плоти. Собственной плоти. Ощувив, как раскаленный добела, длинный, металлический прут плавно, почти любовно погружается в его обнаженное до пояса тело, Ивар мучительно раскрыл уродливо опухший, потрескавшийся, обильно сочащийся липкой сукровицей рот.

– Что такое, ваше высочество, – притворно заботливый голос заставил его разлепить покрытые гнойной коркой глаза и с ненавистью уставиться в бледное, холеное лицо его обладателя, – не спится? Я ведь прекрасно понимаю, что такому знатному гостю как вы, находиться тут – Летор обвел многозначительным взглядом каменные стены подземелья, – может быть не очень-то и комфортно, я бы даже сказал несколько прохладно. Вот я и пытаюсь согреть вас по мере моих скромных сил.

– Тебе это с рук не сойдет, – невнятная речь принца была прервана громким издевательским хохотом.

– Да будет вам! Неужели вы все еще надеетесь вымолить помилование у дражайшей сестрицы? Напрасная трата времени. Скажу по секрету, – арлинг доверительно наклонился к уху растянутого на дыбе Охраняющего, – ведя переговоры с иберийцами, Альвия, среди всего прочего, уже заочно пообещала им твою голову. Уверен, что в руках опытных палачей Кормака, ты еще не раз будешь с благодарностью вспоминать мой, по-родственному теплый прием.

– Ты мне не родственник, мразь! – слова давались ему с трудом.

– Пока не родственник, – многозначительно уточнил змееглазый. – Рано или поздно Броненосцу надоест играть в благородство, и он выдаст мне Миланику. А я в свою очередь сделаю ей повторное предложение руки и сердца. И на этот раз отвергнуть его она не сможет. Попросту не осмелится. Уж об этом-то я позабочусь. Угадай, кем я стану, женившись на твоей дочери? – Холодный победно усмехнулся. – Молчишь? Напрасно. Я стану вторым по значимости эльфом в империи. А после кончины императрицы, которая, в последнее время стала подозрительно часто хворать, больше никто не сможет помешать моей мечте. Император Летор Холодный! – арлинг горделиво приосанился. – Согласись, звучит превосходно.

– Не хочу тебя расстраивать, – Ивар с отвращением сплюнул под ноги Летору, – но твоим грязным мечтам никогда не суждено осуществиться. Во-первых, Ганирус ни за что не выдаст тебе мою дочь. Даже не надейся, змееныш.

– Выдаст, выдаст, – уверенно перебил его Холодный. – Вот посидит еще месяц, другой в плотной осаде, да на голодном пайке и выдаст как миленький. Будь уверен. И не таких строптивцев обламывали.

– Он не сделает этого, даже если ему придется лично сожрать весь свой гарнизон. Дело в том, что совсем недавно Миланика, с моего благословения, разделила с ним печать феникса. Слыхал о такой штуке, недоносок? – Летор отпрянул от висящего на трехрядных пеньковых веревках принца и гневно зашипел. – В данный момент они, скорее всего уже поженились. Так что давай-ка, засунь свои мечты насчет императорского трона обратно, сам знаешь куда. Да не ленись, затолкай поглубже.

Раздавшийся поблизости хриплый, каркающий смех заставил Ивара вздрогнуть и превозмогая боль, повернуть голову направо.

– Говорил же я этому упырьку, что ему в любом случае ни хрена не светит, – в подвешенной на металлическом крюке окровавленной туше принца с содроганием узнал Орли Беспощадного. Его, некогда пышная, ухоженная борода была обожжена до самых корней, на месте правого глаза зияло уродливое, багровое отверстие, левая рука была сломана в нескольких местах. Правой же, не было вовсе. Вместо нее из надплечья торчала наспех замотанная промасленной тканью культяпка.

– А ты, смотрю, все никак не угомонишься! – сорвался на визг Летор. Одним движением подхватив с пышущего жаром камина раскалённый, металлический прут, он принялся остервенело охаживать им беззащитного гнома, довольно повизгивая от удовольствия, всякий раз, как добивался особенно сильного хруста.

– Ну, давай смейся еще, смейся! Что же ты больше не смеешься? – брызги крови, попавшие на лицо и одежду Холодного, кажется еще больше его раззадорили. – Ну, скажи мне еще что-нибудь смешное! Давай же скотина! Посмеемся вместе!

Орли молчал. Его окровавленная голова моталась из стороны в сторону, хриплое дыхание сделалось прерывистым, единственный уцелевший глаз закатился от боли, но упрямый гном так и не произнес не единого звука. Прошло, наверное, не меньше пятнадцати минут, прежде чем выдохшийся арлинг прервал свое кошмарное занятие. К этому моменту, и без того обезображенное тельце гнома стало напоминать одну большую, судорожно трясущуюся отбивную.

– Вот так, – удовлетворенно причмокнул Летор, сунув остывший прут обратно в камин. – Уверен, это наказание послужит тебе хорошим уроком. Имей ввиду, – он повернул торжествующее, усыпанное каплями пота и крови лицо к Ивару, – будешь дерзить, тебя ждет то же самое. Кстати, спасибо за информацию насчет Ганируса. Отец не велел его трогать до поры до времени. Но... Теперь мне точно не придётся оставлять этого чешуйчатого упряма в живых.

С этими словами змееглазый картинно отряхнул окровавленные ладони и вышел, гулко брякнув толстой, окованной длинными медными полосками дубовой дверью. В опустившейся на подземелье тишине было слышно, как потрескивает пламя в камине, жадно слизывая с брошенного в огонь прута свежие кусочки гномьего мяса.

Напрягшись, Ивар попытался шевельнуть руками. Чудовищная боль, пронзившая жестоко изувеченное тело была настолько сильна, что лишь потеря сознания спасла его от помрачения рассудка.

– Ваше высочество, ваше высочество, – смутно знакомый, встревоженный голос пробился сквозь багровую пелену забвения. – Да очнитесь же вы, наконец!

– Кто тут? – собственный голос показался ему хриплым карканьем.

– Это я ваше высочество, я, Тинго.

Когда муть перед глазами рассеялась, Ивар увидел перед собой встревоженную физиономию облаченного во все черное эльфа. Откинув со лба капюшон, воин машинально сложил ладони вместе и коротко поклонился. Скуластое лицо нервно подергивалось от едва сдерживаемого гнева.

– Что они сделали с вами?! Подонки! Ничего, главное я успел вовремя. Вы же не думали, что орден Охраняющих вот так, запросто оставит вас, своего главу на растерзание приспешникам Холодного? Потерпите немного, ваше высочество, я сейчас ослаблю веревки.

Вытащив изувеченное тело своего господина из пыточного станка, Тинго принялся аккуратно разминать его сведенные судорогой конечности, втирая в них приготовленный заранее бальзам Аркоса. Лекарство не замедлило оказать свое чудотворное действие. Ощувив, что снова в состоянии управлять руками, принц сел и недвусмысленно указал на крюк, к которому был примотан Орли.

– Сними его.

– Ваше высочество...

– Сними, я сказал, – зловещие нотки в голосе его высочества, придали эльфу необходимое ускорение. Не прошло и минуты, как приказ был выполнен. Взглянув поближе на то, что осталось от некогда полного жизни иберийца, Ивар сглотнул подступивший к горлу комок и отрывисто скомандовал:

– Бальзам Аркоса. Давай все, что у тебя осталось.

– Простите, ваше высочество, – арлинг виновато развел руками, – но он уже полчаса как мертв. Вы же знаете, что необходимо целиком погрузить свежего покойника в ванну с

бальзамом, чтобы обмануть смерть. И то раз на раз не приходится. А этим, – эльф указал на остатки снадобья в берестяной шкатулке, – можно оживить разве что муравья.

– Он заплатит, – принц до хруста стиснул зубы, – клянусь, Летор дорого заплатит за свои преступления!

– Возможно, – Тинго нервно дернул ушами, – но сейчас нам следует как можно скорее покинуть замок. Холодный может вернуться с минуты на минуту, а у меня нет никакого желания вновь испытывать удачу на прочность. То, что я пробрался сюда, уже можно назвать настоящим чудом.

– Согласен, – Ивар понимающе кивнул, – действительно, не стоит тебе задерживаться. Вот только у меня в обозримом будущем не будет такого шанса. Единственное место, которое эта мерзкая тварь посещает практически без охраны, находится здесь. Так что пусть возвращается. Милости просим. И не смотри на меня так. Если я не прикончу Летора сегодня, то подвергну смертельной опасности мою единственную, любимую дочь и не только ее. Прости друг мой, но рисковать судьбой Миланики я не готов. Спасибо тебе за помощь. Передай остальным, что в случае моей смерти, новым главой должен стать Тардус Мудрый. Уверен, он будет рад услышать эту новость.

– Неужели вы думаете, что я могу бросить вас повелитель? – блестящее лезвие катаны с тихим шелестом покинуло ножны. – Трусам и предателям не место в ордене.

– Ну, – принц тепло улыбнулся, – раз так, за дело.

Оттащив в сторону труп Орли, они заняли позицию по обеим сторонам от единственной двери, ведущей из подземелья. Ждать пришлось не долго. Скрип плохо смазанных петель оповестил о возвращении хозяина замка. Как только голова змееглазого показалась в проеме, Ивар, не говоря ни слова, воткнул сложенными щепоткой пальцами ему в основание подбородка. Подхватив заваливающееся тело, используя его как прикрытие, Охраняющий метнул в темноту пару заранее позаимствованных у Тинго кинжалов. Раздавшийся хрип свидетельствовал о том, что глава ордена, не смотря на полученные раны, не утратил боевых навыков. Идущие за Летором стражники разделили судьбу хозяина, даже не сообразив, что собственно с ними произошло. Убедившись, что дело сделано, принц повелительно махнул рукой и осторожно двинулся по склизким от влаги ступенькам, ведущим наружу. Тинго бесшумной тенью последовал за ним.

– Собаке собачья смерть, – прошептал скуластый, переступив через скрюченное на пороге тело.

Пройдя по извилистому, пахнущему сыростью и вонью от плавящихся факелов коридору, они очутились в обширном помещении, напоминающем зал для тренировок. Развешанные по стенам учебные боккены и нагинаты чередовались с боевыми катанами и длинными, асимметричными луками, управляться с которыми было под силу лишь высоким могучим арлингам. По углам неподвижно стояли деревянные манекены, сплошь покрытые сетью трещин, порезов и глубоких сколов.

– Надо пробираться к конюшням. В таком состоянии на своих двоих я долго не протяну.

– Ваше высочество, не волнуйтесь. У меня все продумано. В роще, позади замка, нас ждет все, что необходимо: лошади, припасы, теплая одежда, оружие. Главное выйти незамеченными.

Ивар тепло улыбнулся своему спасителю, за что тут же поплатился разошедшейся ранкой на верхней губе.

– Держитесь за мной. Я несколько раз тщательно изучил план замка, прежде чем войти в него. Не пройдет и получаса, как мы окажемся на сво... – речь Тинго прервалась гортанным всхлипом.

Мгновенно развернувшись, Ивар уставился на торчащий из горла арлинга, зазубренный наконечник стрелы. Двери напротив распахнулись, и в зал хлынули вооруженные до зубов стражники, миглом заполнившие свободное пространство вокруг.

– Взять его! – сухой, практически лишенный эмоций голос заставил Ивара судорожно поджать острые ушки и хищно оскалиться. – И смотрите, не переусердствуйте. Он нужен мне живым. Не обязательно целым, но непременно живым.

– А может, сам подойдешь, да попробуешь взять меня Майлин? – воскликнул принц, взмахнув катаной и гневно раздувая ноздри. – Давай же, слизняк, выползи на свет, чтобы я лично мог отправить тебя вслед за твоим поганым отпрыском!

– Что ты сказал? – от невозмутимости говорящего не осталось и следа.

– Что слышал, – Охраняющий издевательски отвесил картинный полупоклон. – Если кто и являлся настоящим преступником и предателем империи, так это твой Летор. Так знай же, его змеиное сердце умолкло навсегда. Можешь поверить мне на слово. Я никогда не промахиваюсь.

– Смерть ему! – повинувшись лающей команде своего господина, воины обнажили мечи, после чего стали медленно, шаг за шагом приближаться к Ивару, сужая полукруг и неумолимо тесня принца к дальней стене.

Пытаясь найти брешь или хотя бы мельчайшую лазейку, он сделал несколько обманных финтов, однако все было напрасно. Понимая, что перед ними один из лучших поединщиков Арлинга, а вовсе не зеленый новобранец, стражники действовали с предельным вниманием и осторожностью. Сделав очередной шаг назад, и ощутив спиной прохладу отполированного до блеска камня, Ивар почувствовал, что, похоже, наступил его последний день. Испустив леденящий душу вопль, он мощно оттолкнулся от стены и кинулся в стремительную, отчаянную атаку. Увы и ах. Меткий удар тупым концом копья в правый бок, подкрепленный внезапным броском одного из воинов под ноги опрокинул Ивара на татами, где он скрючился, хрипя и обильно кашляя кровью.

– Я сам! – воины расступились, и в живот принца уперлось острие длинного, широкого кинжала с волнистым лезвием. Сжимавший оружие старик наклонился над противником и с ненавистью прошептал:

– Я не дам тебе быстрой смерти, враг мой. И не надейся. Ты будешь страдать до самого последнего вздоха, до самой последней капли крови. Клянусь, ты еще станешь умолять меня о смерти, как о великой милости, не будь я Майлином Твердым.

– Держите его крепче, – множество рук вцепились в тело Ивара, буквально распяв его на полу.

– А начну я вот с этого...

– НЕТ, НЕ НАЧНЕШЬ! – звонкий приказ эхом отразился от каменных стен. – Назад Майлин, именем императрицы Альвии Светлой! Моим именем!

– Ваше величество, – лицо первого советника искажилось от раздиравших его душу чувств, – этот гнусный предатель убил моего сына!

– Я все слышала, Твердый. Но его жизнь может на время спасти империю от дальнейшего вторжения иберийцев. Поэтому я отказываю тебе в праве мести, но, если захочешь, можешь доставить пленника Кормаку. Будучи послом, ты лично убедишься в том, что справедливость восторжествовала.

– Справедливость? – вспыхнувшая ярость придала сил изможденному телу Ивара.

Одним могучим рывком он отбросил держащих его воинов и приподнялся на одно колено, чтобы скрестить свой взгляд с эльфийкой, в любви которой, он никогда не сомневался.

– Как ты смеешь говорить о справедливости, Альвия? Ты ведь осудила меня, своего родного брата, можно сказать «походя», не дав ни единой возможности, ни единого шанса, чтобы оправдаться! Ты отправила за мной эту пиявку Холодного, который вместо того, чтобы доставить меня для честного и справедливого суда, жестоко истязал в своем подземелье, бахвалясь и упиваясь мучениями одного из последних потомков Арувала. Того самого Арувала, который

одним прикосновением мог снять с меня клеймо убийцы Ругара, ибо клянусь, я не повинен в его смерти.

– Да мог! – голос императрицы тоже сорвался на визг. – Мог, но не сделал! И знаешь почему? Да потому, что нить его жизни прервал меч проклятого берсерка иберийца. Одного из тысяч закованных в железо полуросликов беспощадно ломавших наши сплоченные ряды, состоящие из отборнейших воинов, словно сухие щепки. И у всех этих обезумевших гномов на устах звучало лишь одно единственное имя, громогласно повторяемое с небывалым иступлением и ненавистью. Твое имя, брат мой. Так неужели ты думаешь, что сотни тысяч коротышек, веками не вылезавших из своих глубоких пещер, оставили родные края и в данный момент разоряют Арлинг за «просто так»? Империя по горло залита кровью и ты, ты один повинен в этом кошмаре, Ивар. Какие еще нужны доказательства?

– Что же ты делаешь Аль? – принц не сводил с сестры горящего взгляда. – Ведь ты же знаешь меня с самого рождения! Неужели ты думаешь, что я стал бы лгать и изворачиваться, будь я действительно повинен в смерти короля Иберии и в бедах, обрушившихся на мой родной Арлинг?

– Не знаю, – ответ был тих, печален, но твёрд. – Правда, не знаю. Я теперь не просто твоя старшая сестренка. Я не по своей воле заняла место покойного императора. Мне пришлось. Но поскольку это все-таки произошло, я намерена, во что бы то ни стало, прекратить разорение наших земель. Если цена мира – твоя жизнь, пусть будет так. Все зашло так далеко брат, что сейчас даже я не могу ничего поделать.

– А как же Миланика?

– Миланика? А причём здесь она?

– Она сейчас вынужденно скрывается в замке Ганируса Броненосца. Именно ее, именно свою дочь я защищал, когда прикончил Летора. Видишь, я этого не отрицаю. Но будь ты рядом в тот момент и услышь все гнусности, которые изрыгал его ядовитый язык... Уверен, ты первой бы приказала обезглавить его. Сестра, если меня не станет, кто защитит мое единственное дитя от мести Майлина и его родичей? Или ты готова пожертвовать еще и племянницей? Ну, что ты молчишь? Ответь мне. Ответь...

– Нет, не готова, – Светлая взмахом руки оборвала вскинувшегося было Твердого. – Я действительно не в силах спасти тебя брат. Тебя сочли виновным. Признай этот факт. Но клянусь тебе памятью о нашем отце, что я не дам в обиду Миланику по прозвищу Стремительная. Пока я жива, никто в империи не посмеет навредить ей. Пошлите гонца, – императрица повысила голос, – пусть снимут осаду с замка Броненосца.

– А если замок уже пал? – вкрадчиво спросил Майлин.

– В таком случае приказываю, не причиняя никакого вреда доставить мою племянницу в Альвгард. Пусть остается в моих личных покоях до тех пор, пока все не утихнет. Дальнейшие указания я дам после переговоров с королем Кормаком.

– Спасибо тебе, – с чувством произнес Ивар. – Теперь я смогу умереть спокойно. Передай Элвинде: все, что я натворил, я сделал, пытаюсь спасти мою дочь.

– Прости Ивар, но я не смогу выполнить твою просьбу, – Светлая стыдливо отвела взгляд. – Когда тебя публично обвинили в смерти Ругара, на долю твоей супруги досталось немало упрёков и презрения. В конце концов, Элвинда решила, что тоже должна нести ответственность за поступки своего мужа. Она совершила ритуальное самоубийство три дня назад.

– Нет!!!! – от каркающего, сиплого вопля Охраняющего, казалось задрожал потолок. – Не может быть! Это не правда! Ты врешь! Скажи, что ты врешь! Немедленно!

– Я лично присутствовала при этом. Она мертва, Ивар. Мертва. Похоронена вместе с отцом и нашими братьями. Вот что ты наделал брат мой.

Осознав смысл этих ужасных слов, принц взвыл как безумец и упал навзничь, будто подкошенный.

– Возьмите его, – одинокая слеза скатилась по бледному лицу императрицы. – Свяжите и доставьте к Кормаку. Надеюсь, эта жертва утолит чувство мести короля Иберии и он, наконец-то, оставит нас в покое.

Артем

– Так вот значит в чем дело! – звонкая пощечина обожгла правую щеку Артема. В голове зазвенело на все лады. – Я-то думала, что ты, презрев опасности, пробрался в самое сердце Веспы ради меня! И готова уже была вознаградить такой героический поступок! А оказывается это все ради какой-то там вонючей иберийки?!

– Ну почему сразу вонючей? Я просто..., – новая оплеуха прервала его речь.

– Молчать! – лицо Корнелии покраснело от ярости. – Кобель, похотливый боров, разрази тебя Орб! Да как ты мог променять меня, дочь самого Корнелия Великого на никчемную рабыню коротышку? – она снова размахнулась.

– Так все, брейк, брейк, полегче, – на этот раз юноша проворно увернулся от метящих ему в глаза острых ноготков. – Пойми, дорогая, я не предполагал, что тебя оскорбит такой незначительный вопрос. Я просто хотел кое-что о ней разузнать. Не более. Родственники девчонки попросили и все такое.... Не мог же я им отказать. И конечно это не главное. В первую очередь я здесь именно потому, что скучал по тебе.

– Правда? – молнии все еще полыхали в глазах девушки, но их блеск был уже не столь нестерпим.

– Ну конечно!

– Тогда докажи, – белоснежная палла с тихим шелестом упала на мраморный пол.

Четыре часа спустя Артем тихонько выскользнул из объятий умиротворенной любовными утехами веспийки, крепко уснувшей на его мускулистом плече. Подойдя к распахнутому на первом этаже окну, он бесшумно вылез наружу, аккуратно прикрыв за собой деревянные ставни.

– Пст, – на еле слышный призыв из ближайшего куста роз выглянула густо облепленная сухими листьями физиономия Эрика.

– Наконец-то, – гном со скрипом почесался. – А то мне уже до смерти надоело кормить муравьев, слушая ваши бесконечные ахи да вздохи.

– Завидуешь? – молодой человек лучезарно улыбнулся.

– Было бы чему, – раздраженно фыркнул Три Росомахи. – Чтоб ты знал, я в постельных делах тоже не новичок. Ты лучше, это, давай не томи. Рассказывай. Удалось тебе выяснить, где находится Хлоя?

– Удалось, удалось, не парься. Ее содержат отдельно от других рабов. Корнелия рассказала, что уже несколько раз мазюкалась приготовленными юной знахаркой снадобьями и успела по достоинству оценить талант дочери Ирвина Кленового Листа. По ее мнению, не многие медикусы в империи могут похвастаться такими глубокими знаниями. Короче девчушка определенно в теме, поэтому ее особенно не прессуют.

– Так чего мы ждем? – Три Росомахи воинственно взмахнул глефой. – Ночка темная. Самое время прогуляться, размять косточки.

– Да погоди ты, – Артем упреждающе положил ладонь на плечо иберийца. – Тут такое дело.... На днях в столицу прибыло посольство от нового короля Иберии. Так вот, Кормак каким-то образом пронюхал, куда занесло дочку травника. И естественно, венценосный гадёныш полон решимости вновь заполучить беглянку. В данный момент ведутся переговоры на высшем уровне, а саму Хлою, ценность которой, естественно, стократно возросла, стерегут как зеницу ока.

– Хреново, клянусь молотом Вардана – подытожил гном.

– Вот и я о том же. Охраны много, нас мало. Не дай бог нашумим лишнее. И девушку не спасем и сами головы сложим.

– Что предлагаешь?

– Предлагаю не пороть горячку и спокойно дождаться рассвета. Утром Хлоя должна будет явиться к Корнелии, она до сих пор формально является ее собственностью. Вот тут-то мы и попробуем перехватить ценный приз.

– Днем, – ахнул гном, – на виду у всех? Да ты рехнулся! Уж лучше сейчас попытаться удачу.

– Не ссы, прорвемся, – юноша расправил плечи и с наслаждением потянулся. – Давай встретимся завтра в условленном месте. Просто доверься мне.

Эрик бросил на него скептически оценивающий взгляд:

– Легко говорить, доверься, когда ты обладаешь звериной силой и скоростью. В случае неудачи вполне сможешь пробиться на волю. А что мне прикажешь делать, если все пойдет не по плану? Иберийцы, знаешь ли, не шибко сильны в беге на короткие дистанции.

– Не понял, – Артем удивленно приподнял брови. – Да ты никак намекаешь на то, что я кидану тебя, если вдруг запахнет жареным? Вот сейчас было реально обидно! Я вроде никому еще не давал повода для таких грязных оскорблений.

– Прости, – Эрик покаянно склонил испещренную бисером давних шрамов голову. – У меня и правда нет доверия к людскому племени. Знал бы ты, сколько горя принесли моему народу слащавые веспийцы и лживые кочевники...

– Я не веспиец и тем более не арторианец, – вскинувшись, заиграл желваками молодой человек.

– Сказал же, прости, – гном дружески протянул Артему раскрытую, лопатообразную ладонь. – Ты, если честно, до сих пор остаешься для меня загадкой. Никто не знает, откуда пришел? Как и за что получил две метки? Ни слухов о тебе, ни сплетен... Вообще ничего.

– Понимаю. Сложно бросаться в омут, не видя дна. Только ты выбрал не лучшее время для расспросов и сомнений. Вот как только вытащим Хлою, так сразу и потолкуем по душам. Лично я не против. Лады?

– Лады, – буркнул Три Росомахи.

Голос гнома дрогнул, Артём уловил в нём нотку облегчения. Приятно, когда с тобой не хотят ссориться.

– Ну, тогда я полез обратно, – подхватился юноша, – покуда Корнелия не проснулась. И так еле-еле уgomонил высокородную ревнивицу. Не хотелось бы, вызывать дополнительные подозрения. Хрен его знает, как она соизволит истолковать мое отсутствие.

Вернувшись, Артем осторожно присел на полукруглое ложе и принялся внимательно разглядывать мирно посапывающую рыжеволосую красавицу. И было на что посмотреть. О красоте веспийки не зря шла молва далеко за пределами империи. Лишь ужасно стервозный нрав, да обладающий ещё более непредсказуемым характером папаша-император сдерживали на почтительном расстоянии толпу потенциальных женихов. В который раз юноша мысленно удивился тому, что глядя на её роскошное, алебастровое тело не ощущает даже тысячной доли того трепета и вожделения, с которым он некогда смотрел на Сарнаю. И это после всего лишь одной единственной ночи, проведенной вместе. Так получилось, что с тех самых пор что-то неуловимое поменялось в его голове. Образ синеглазой арторианки неотступно преследовал молодого человека, доводя порой до исступления. Тяжелее всего было по утрам. Просто во снах они всегда, всегда были вместе. Встречались, любили друг друга, растили детей. Жили той самой простой человеческой жизнью, которой Артем тайком восхищался, наблюдая за родителями. Но стоило лишь проснуться и открыть глаза, как реальность обрушивалась на него, давя на сердце невыносимо тяжким грузом. А назойливые мысли о том, что в данный момент ее возможно уже целует, обнимает, ласкает какой-нибудь там Вася-Петя-Коля (привычные российские образы давались молодому человеку особенно ярко), порой буквально выбивали почву из-под ног. Вот и сейчас, одного мимолетного воспоминания с лихвой хватило для того, чтобы вновь ощутить боль утраты. Мысленно заскрипев зубами, Артем смахнул с лица непрошеную

слезинку и рассерженно отвернулся от прекрасной веспийки, к которой он, увы, ничего не испытывал.

На следующее утро, ничего не подозревая о раздиравших любимого сомнениях, Корнелия недвусмысленно потребовала «продолжения ночного банкета». Пришлось, не то чтобы со скрипом, но и без особой охоты, соответствовать запросу. Впрочем, как всегда поглощенная в первую очередь своей персоной, веспийка ничего не заметила. Сполна получив желаемое, она милостиво изволила удалиться в соседнюю комнату, соблазнительно покачивая крутыми бедрами и мурлыча себе под нос фривольную песенку. Вскоре из-за кирпичной стены послышался ее недовольный, постепенно удаляющийся голосок, чехвостящий, и в хвост и в гриву, подавшую не то парадное одеяние рабыню. Проторчав в спальне около часа, Артем, наконец, не выдержал и осторожно сдвинул легкую, холщевую занавеску прикрывавшую дверной проем. Не обнаружив никого в соседней зале, он уже решил было выйти, однако раздавшиеся неподалеку голоса заставили юношу отказаться от этой затеи. Слащавую речь Луция Флавия без церемоний перебивал гневный баритон принадлежащий императору Веспасиану.

– Эта иберийка принадлежит Корнелии. Ты сам подарил ее, а теперь вдруг советуешь лишить мою дорогую дочурку ценной рабыни? Берегись Рустик! Ты играешь с огнем.

– Нет-нет ваше величество, – Артем мысленно представил себе, как испуганно затряслись жирные щечки сенатора, – не лишить, нет! Всего лишь предложить ей равноценную... более чем равноценную замену! Клянусь золотой чашей Вана, я лично подберу для нее двух или даже трех, да трех молоденьких, красивых ибериек. Плюс, набор её любимых благовоний. Все что угодно, лишь бы сгладить это малюсенькое недоразумение.

– Недоразумение говоришь?

– Ну конечно. Поверьте, ваше величество, пройдет день-другой и Корнелия даже думать забудет об этой паршивой знахарке.

– Продолжай.

– Поймите же, наконец! Если мы выдадим Хлою королю Иберии, то выиграем намного больше.

– Если я не ошибаюсь, Кормак и так в долгу перед нами за подготовку покушения на его не по годам рослого брата?

– Да, конечно. Вот только... осмелюсь напомнить, – осторожно добавил сенатор, – что нам так и не удалось довести дело до конца. Только всевидящие боги могли предположить, что на пути Ивара встанет дважды отмеченный милостью Ланы юнец.

– Снова этот Арт, – прорычал император. – Куда не плюнешь, везде он! Ну да ладно, придет и его черед. Его и этого выскочки Смирного. Вот только разделаюсь с насущными проблемами и первым делом выясню, в какой норе скрываются мятежники. Недавно Крайса уже выпотрошила любимую пташку Гая, теперь на очереди сам бастард.

– Могучая драконица убила Гомбо? – в голосе Луция послышалось беспокойство.

– Не хмурься, Луций. Я отлично помню, что спутника меченного нельзя убить навсегда. Но для возрождения требуется время, много времени. Пока же Антоний с приспешниками еще более уязвим. Чем я и собираюсь воспользоваться.

– Как прикажете, ваше императорское величество.

– Вот так-то лучше. Ладно, сенатор. Я, пожалуй, снова пойду тебе навстречу. Эй, Корнелия, – Гней повысил голос, – дочь моя, ты здесь? Понятно... О боги! Ну почему мне вечно приходится ее искать?

– Не стоит гневаться император. Ступайте в покои, а я немедленно разыщу ее высочество и передам вашу волю.

Шарканье сандалий постепенно затихло.

– Вот черт! – Артем растерянно взъерошил свою отросшую шевелюру и нервно забежал по комнате. – Похоже, мой «гениальный» план вот-вот накроется медным тазом. Что же

делать? Сидеть тут и ждать Корнелию? Так ее стопудово зацепит по дороге проныра сенатор. При всей взбалмошности императорской дочки у нее не хватит духу, чтобы пойти супротив прямого батькиного указа. А значит, Хлою уже сегодня могут сдать на руки послам Иберии. Стоп! Быть может это как раз то, что мне и нужно? Выкрасть девчонку у кучки гномов на большой дороге, может быть в несколько раз проще, чем бодаться во дворце с толпой императорских стражников. Хм, идея вроде не плохая. Решено. Ублажу «на дорожку» свою рыжеволосую нимфоманку и между делом разведваю, когда и по какой дороге бородачи планируют везти на родину ценный груз.

Корнелия вернулась ближе к вечеру. Как обычно нагло опутив прелюдию, красotka с порога накинулась на свою «жертву» со страстью взбесившегося торнадо. За первым раундом незамедлительно последовал второй, потом третий. К исходу четвертого Артему стало казаться, что еще чуть-чуть, и он не выдержит. Однако молодой, здоровый, изрядно усиленный меткой леопарда организм не подвёл своего хозяина. Первой сдалась веспийка. Впившись напоследок острыми ноготками в спину любовнику, девушка, наконец, выдохнула, после чего расслабленно отвалилась на мокрые от пота шелковые простыни.

– Это было чудесно, не правда ли, милый?

Пришлось, собрав в кулак последние остатки сил, долго и нудно вещать своей госпоже о ее несравненных сексуальных талантах. Наконец, Корнелия изволила-таки поговорить на более отвлеченные темы.

– Ох, Арт, если бы не ты, мне было бы сегодня особенно грустно....

– Что случилось, любимая?

– Представляешь, отец заставил меня вернуть Луцию его последний подарок! Помнишь, ту самую гному, которой ты интересовался?

– Кого? – притворно изобразил удивление молодой человек.

– Ну, эту как ее, Хлою. Всё время забываю, как её зовут. Дочку травника.

– Прости дорогая, с тобой я как-то совсем забыл про несчастную коротышку. Так говоришь, что сенатор осмелился наложить лапу на твое имущество? Мерзкий поступок.

– И не говори, – ее высочество обиженно надула губки. – Я сама, сперва, не поверила. Сначала подарить, а потом отобрать. Такая скотина! Клянусь колесницей Арвиды, я еще не раз припомню жирной свинье эту дерзость! Кто теперь будет готовить мне такие чудесные крема и настои?

– Так может, стоит потянуть недельку-другую? Пусть рабыня еще немного потрудится. Может, доварит, что там тебе необходимо? Так сказать про запас.

– Ничего не выйдет. Послы отбывают уже через три дня.

– Досадно. А хочешь, – он горделиво приосанился, – я ради тебя выкраду девчонку по дороге в Иберию? Точно, выкраду и доставлю, куда скажешь! У тебя наверняка есть укромное местечко, в котором можно спрятать не одну сотню рабынь. В итоге и крема у тебя будут, и сенатору нос утрем.

– Здорово! – от восхищения Корнелия даже захлопала в ладоши.

– Все для тебя, солнышко. Лишь бы вновь увидеть эту обворожительную улыбку на твоих устах.

– О мой герой! – горячий поцелуй заставил его мысленно вздохнуть и направить остатки романтической энергии в другое русло.

Ближе к вечеру, когда «солнышко» изволило удалиться по своим высочайшим делам, Артем облегченно вздохнул и поспешил на встречу с Эриком.

– Наконец то, – проворчал гном, с хрустом обгладывая сочащееся жирком утиное крылышко. Полутемная пещерка, служившая их временным пристанищем, на все лады благоухала парами алкоголя и жареной снеди. – А я уж было решил, что тебя там это... залюбили до смерти.

– Типун тебе на язык, – бережно опустив покрытую свежими царапинами пятую точку на массивный, отполированный ветрами и временем камень, молодой человек, в свою очередь, потянулся к глиняному подносу, на котором еще осталось несколько ароматных, мясных кусочков.

– Никак подустал? – Три Росомахи едко усмехнулся, но, тем не менее, участливо подвинул к нему пузатую амфору с терпким красным вином.

– И не говори. Чувство такое, будто меня трактором переехало. Ну да ладно. У меня новости.

– Излагай, – привыкший к заковыристым сравнениям попутчика, Эрик глазом не моргнул, услышав слово «трактор».

– Император пошел на поводу у Луция Рустика и выдал Хлою вашему посольству.

– Плохо, – Эрик аккуратно отложил в сторону недоеденное крылышко и нахмурился.

– Да погоди ты. Не перебивай. Корнелии, естественно, пришлось не по душе папенькино решение. Ее высочество, будучи особой довольно капризной и невероятно мстительной, всю горит желанием насолить сенатору. Естественно тайно. Вот на этом-то я и сыграл. Пообещал ей тайком умыкнуть дочку травника, и доставить куда прикажет. Смотри, – покопавшись, Артем достал из-за пазухи свернутый в несколько раз кусок льняной ткани. На нем оказалась умело составленное изображение пригорода Веспы. – Вот здесь расположен императорский дворец, это вилла, на которой сейчас находится Хлоя. А вот это, дорога, по которой ее повезут через три дня в Иберию. Встретимся вот здесь, – он ткнул пальцем ближе к нижнему краю карты. – Место спокойное. Озеро рядом. Вокруг густой лес, в котором можно укрыться. Большинство торговых караванов останавливается тут на ночлег. Твоя задача прибыть на место пораньше, все подготовить и ждать меня.

– А ты что? – гном причмокивая, облизал жирные пальцы и потянулся к рисунку.

– А я подожду, когда караван с посольством покинет столицу. Буду держаться следом. Вдруг что-нибудь пойдет не так.

– В смысле не так? – ибериец наострил уши.

– В прямом смысле. Могут, например, другой дорогой пойти. Да что я объясняю, ты не хуже меня знаешь непредсказуемый нрав соплеменников.

– Это да. В посольство дураков не отправляют.

– И я о том же. Короче, действуем по ситуации. В любом случае на нашей стороне будет эффект неожиданности, – молодой человек сделал большой глоток из амфоры и тяжело вздохнул. – Ладно. Пойду я. Постараюсь хоть чуточку выспаться, пока снова не заявила эта рыжеволосая бестия.

– Ох, и чахлый же вы народ, людишки, – Три Росомахи не упустил возможности подколоть приятеля. – Вот помню я, когда впервые дорвался до «сладенького», две недели из дому не выходил. И ничего. А тут смотрю на исходе второго дня уже сплошные жалобы, да стоны.

– Вот и шел бы вместо меня, если такой до сладкого охочий, – поморщившись, буркнул Артем. – А то рассуждать сидя в теплой пещерке каждый может.

– Да брось ты дуться, – широкая, задорная улыбка осветила покрытое шрамами лицо воина. – По правде говоря, слухи о непомерных аппетитах императорской дочки ходят даже в Иберии. Просто у тебя такой вид, – гном хихикнул в волосатый кулак, – замученный. Ну не мог я удержаться!

– Поговори мне еще, – Артем не выдержал и тоже расхохотался. – Ничего, пару дней я еще протяну. Вот выплусь немного и обязательно протяну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.